

**Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Исторический факультет**

Кафедра этнологии

**ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА МАГИСТРАНТА
«БЮРОКРАТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕДУРЫ И СТРУКТУРНОЕ НАСИЛИЕ:
ИССЛЕДОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭТНОЛОГИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕРТИЗЫ В РЕСПУБЛИКЕ САХА»**

магистранта 2 года обучения
Басова Александра Сергеевича

Зав.кафедрой, д.и.н., Функ Д. А.

Научный руководитель, д.и.н., Функ Д. А.

Рецензент, д.и.н., Новикова Н.И.

Москва, 2017

Аннотация

Государственная этнологическая экспертиза в Республике Саха (Якутия) призвана защищать интересы коренных малочисленных народов Севера (КМНС) в конфликтных ситуациях, когда «хозяйствующие субъекты» (прежде всего добывающие компании) претендуют на использование ресурсов, находящихся на территориях традиционного проживания этих народов. Более того, с процедурой этнологической экспертизы связывают ожидание установления диалога и партнерских отношений между промышленными компаниями и сообществами КМНС. При этом этнологическая экспертиза разворачивается как бюрократическая процедура, а значит, может быть проанализирована в терминах структурного насилия. По Д. Греберу, структурным насилием характеризуются такие ситуации, в которых нормативные – подкрепленные угрозой анонимного государственного насилия – решения принимаются в условиях суженного, неадекватного знания о контрагенте, в данном случае – о КМНС. Другими словами, если концептуальные основания теории бюрократии Д. Гребера верны, государственная этнологическая экспертиза, реализуемая как бюрократическая процедура, должна структурно противоречить условиям, необходимым для организации диалога и установления партнерских отношений.

Abstract

State ethnological expert review (social impact assessment) in the Sakha (Yakutia) Republic is a legal procedure, implemented uniquely on the regional level in Yakutia and aimed to regulate tense relations between industrial resource developers and indigenous peoples. Relations are tense as long as 'industrial' use of the territory denies its 'indigenous' use. State ethnological expert review is required to defend the interests of indigenous peoples. And more, the procedure of expertise is expected to become a medium, ensuring dialog and partnership relations between industrial companies and indigenous peoples. Still, the whole procedure of ethnological expert review is a bureaucratic procedure, organized by specific bureaucratic means and thus can be analyzed through concept of structural violence, while dialog requires interpretive labor. The overall argument is hence that the state ethnological expert review as a bureaucratic procedure structurally contradicts to the conditions required for the dialog and partnership.

Оглавление

Введение.....	5
1. Законодательство.....	17
2. Академическая литература.....	25
3. Полевые материалы	46
Заключение	72
Список литературы	74
Приложение	93
Таблица проведенных экспертиз	93

Введение

Работа посвящена антропологическому исследованию процедуры этнологической экспертизы в Республике Саха (Якутия).

Этнологическая экспертиза, как она в подавляющем большинстве случаев понимается в отечественной литературе, призвана регулировать потенциально конфликтные отношения между коренными малочисленными народами Севера, Сибири и Дальнего Востока (далее также — КМНС), практикующими традиционную хозяйственную деятельность, и субъектами, предполагающими осуществление нетрадиционной хозяйственной деятельности на территориях проживания КМНС. Чаще всего последними являются добывающие компании, поскольку обширные запасы ископаемых ресурсов расположены именно на землях проживания КМНС¹.

В Российской Федерации за КМНС закреплены особые права, поскольку предполагается, что их образ жизни прочно встроен в хрупкие северные экосистемы (Якель, 2012: 8), и поэтому особенно уязвим. Соответственно, реализация промышленных или инфраструктурных проектов в местах проживания КМНС грозит не только экологии, но и образу жизни этих народов, который сам по себе признается охраняемой государством ценностью (Конституция: ст. 72-м).

С другой стороны, реализация промышленных и инфраструктурных проектов ассоциируется с национальными интересами, экономическим ростом, и, следовательно, благодеянием большинства. Признание их неизбежности и необходимости является весьма распространенным тропом в литературе, посвященной взаимоотношениям промышленных компаний и малочисленных народов². Следовательно, вопрос не столько в том, быть или не быть промышленному освоению территорий проживания КМНС (ответ: быть),

¹ По некоторым данным: 97% газа, 80% нефти, 100% алмазов (Гарипов, 2013: 7).

² Этот троп также атрибутируется и представителям КМНС, ср., например: «Коренные народы не против того, чтобы на их землях были реализованы проекты экономического развития, но справедливо требуют, чтобы при этом учитывались их интересы» (Астахова, 2011: 6); «Согласно полевым исследованиям, у кочевников нет желания никого выгонять, напротив, есть желание наладить соседство» (Штаммлер, 2011: 115).

сколько в минимизации ущерба и справедливых компенсациях. Именно этот аспект призвана урегулировать процедура этнологической экспертизы.

Понятие «этнологическая экспертиза» (далее по тексту также ЭЭ) введено юридически в 1999 году (О гарантиях прав...: ст. 1), но с тех пор на федеральном уровне развития не получило. Тем не менее, поскольку отдельные субъекты Российской Федерации, в которых сосредоточены как ископаемые ресурсы, так и группы КМНС, испытывают потребность в регулировании возникающих конфликтных ситуаций, а также в силу того, что защита исконной среды обитания и образа жизни коренных малочисленных народов находится в совместном ведении Федерации и субъектов федерации – появились различные варианты проведения этнологической экспертизы (ср. Богоявленский и др., 2002; Садовой и др., 2005; Звиденная, Новикова, 2010; Мартынова, Новикова, 2012; Головнёв и др., 2014), в том числе в РС(Я) был принят соответствующий закон в 2010 году (Закон Республики Саха (Якутия) от 14.04.2010 820-З N 537-IV). Некоторые исследователи выделяют три варианта проведения этнологических экспертиз: в качестве самостоятельного исследования; совместно с экологической экспертизой; совместно с историко-культурной экспертизой (Адаев, 2009). При этом совмещенные варианты проведения ЭЭ, как полагает А.Н. Слепцов (2015), имеют недостаток необходимости адаптации полученных результатов для отчета по другой теме, и по этой причине утрачивают существенную часть содержания. Следовательно, более предпочтительным является проведение экспертизы в качестве самостоятельного исследования. Экспертиза как самостоятельное исследование может существовать либо как общественная экспертиза, либо как государственная. При этом, недостаток общественной экспертизы состоит в том, что следование её рекомендациям не является обязательным для компании и часто не выполняется. Следовательно, более предпочтительной является государственная экспертиза (Слепцов, 2015). Таким образом, государственная этнологическая экспертиза в РС(Я) – наиболее действенный вариант осуществления ЭЭ из имеющихся на данный момент,

поскольку её особенностью является обязательность проведения и принудительная сила принятого по её результатам решения.

Актуальность исследования ЭЭ вообще, и ЭЭ в РС(Я) в частности, определяется предполагаемой эффективностью данного инструмента в регулировании отношений между промышленными компаниями и группами малочисленных народов. Также с точки зрения актуальности данного исследования важным является то обстоятельство, что в настоящее время разрабатывается ФЗ об этнологической экспертизе³, который, как известно из публикаций в СМИ, будет в значительной мере опираться на опыт РС(Я)⁴.

При этом ЭЭ существует в более широком контексте борьбы коренных народов за свои права и движения от объектов политики к тому, чтобы быть субъектами, к со-управлению (ср. Шадрин, 2015). Соответственно, и от этнологической экспертизы ожидается содействие указанному движению к установлению диалога, ЭЭ воспринимается как площадка, на которой КМНС могут выразить свое мнение:

«Закон об этнологической экспертизе будет способствовать ... возможности выразить собственное видение на приемлемость осуществления такой деятельности; позволит им стать полноценными участниками в процессе принятия решений, касающихся их исконной среды обитания и относящихся к ней природных ресурсов» (Доклад РФ, 2016: 106-107).

В данном исследовании меня интересует именно данный аспект ЭЭ – ее предполагаемая возможность представлять интересы КМНС. Соответственно, **объектом** исследования является процедура государственной этнологической

³ Ср. перечень поручений Президента РФ по итогам заседания Совета по межнациональным отношениям, состоявшегося 31 октября 2016 года: «Пр-2338, п.3. Правительству Российской Федерации рассмотреть совместно с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации вопрос о нормативном закреплении процедуры этнологической экспертизы и представить соответствующие предложения. Срок – 1 октября 2017 г. Ответственные: Медведев Д.А., высшие должностные лица (руководители высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации». [Электронный ресурс: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/53412>, дата обращения: 19.03.2017]

⁴ Ср.: «Представляется возможным принять во внимание концептуальные положения одного из региональных законов о проведении этнологической экспертизы, возможно, взяв их за основу проекта федерального закона» (Доклад РФ, 2016: 106); Ольга Мурашко: «При разработке проекта федерального закона об этнологической экспертизе будет учтён опыт Якутии» [Электронный ресурс: <http://iltumen.ru/content/olga-murashko-%C2%ABpri-razrabotke-proekta-federalnogo-zakona-ob-etnologicheskoi-ekspertize-budet>, дата обращения: 19.03.2017]

экспертизы⁵ в РС(Я) как таковая; **предмет** исследования – специфические характеристики организации этой процедуры, которые позволяют ей или ограничивают её в том, чтобы быть площадкой для диалога между КМНС и другими хозяйствующими субъектами.

Насколько мне известно, именно в таком развороте тема отношений КМНС и хозяйствующих субъектов в рамках специфической организации процедуры ЭЭ не поднималась, что определяет **научную новизну** данной работы. Однако есть два блока **исследовательской литературы**, на которые я опираюсь.

Первый блок охватывает литературу, посвященную тем или иным аспектам проведения ЭЭ в РС(Я) и в итоге сливается с другими источниками исследования, поскольку авторы интересующих меня академических статей зачастую являются также акторами, участвующими с той или иной стороны в проведении экспертизы. Так, ряд статей написан либо экспертами этнологической экспертизы⁶ (Слепцов, 2011, 2013, 2015; Слепцов, Гоголев, 2016; Величенко, 2016; Пахомов, Мостахова, 2016; Пахомов, Чомчоев, 2017), либо исполнителями необходимого для экспертизы раздела проектной документации «Оценки воздействия на этнологическую среду», ОВЭС (Баишева, 2014, 2016; Сосин, 2015; Романова, Алексеева, 2015-б; Потравный, Баглаева, 2015; Потравный и др. 2016; Гассий и др. 2016). Также часть статей написана экспертами, которые иногда выступают в качестве исполнителей ОВЭС (Бурцева и др., 2012; Бурцева, 2015; Шадрин, 2013, 2014, 2015). Подробнее специфика репрезентации и обсуждения ЭЭ в РС(Я) будет обсуждаться во второй главе.

Поскольку государственная процедура этнологической экспертизы является по существу бюрократической процедурой, второй блок охватывает литературу, анализирующую возможности и ограничения бюрократических процедур и формирует так называемую концептуальную рамку исследования, т.е. систему понятий, которая должна позволить увидеть в объекте существенные для

⁵ Начиная отсюда и далее, термин «этнологическая экспертиза» будет преимущественно отсылать к государственной этнологической экспертизе, как она проводится в РС(Я).

⁶ Здесь и далее слово «эксперт» будет употребляться именно в данном значении человека, проводящего этнологическую экспертизу.

исследования характеристики предмета. Концептуальная рамка задана преимущественно такими авторами как Ахил Гупта (у бюрократических процедур существуют недостатки, в том числе, они систематически производят структурное насилие), Йохан Галтунг (что такое структурное насилие), Дэвид Гребер (как именно структурное насилие производится бюрократическими процедурами и как последние структурно ограничивают возможности установления диалога). Далее я кратко опишу идеи каждого из названных авторов.

Йохан Галтунг предлагает расширенную трактовку насилия: насилием называется такое влияние на человеческие существа, когда действительная реализация их телесных и ментальных способностей ниже чем возможная при наличном уровне знаний и ресурсов (Galtung, 1969: 168-169).

Структурным называется насилие в отсутствие причиняющего актора (170). Другими словами, разница между потенциальным и актуальным уровнями реализации способностей есть, но нет лица или лиц, которым можно было бы вменить ответственность. Структурное насилие означает то же самое, что и социальная несправедливость и выражается в неравных жизненных возможностях, которые, в свою очередь, связаны с неравным распределением ресурсов. Примеры неравного распределения ресурсов: разность в доходах различных групп населения; распространение грамотности/образования; доступность медицинского обслуживания; но в первую очередь – возможность принимать решения о распределении ресурсов. Наилучшими показателями наличия структурного насилия являются повышенные уровни заболеваемости и смертности (177).

Задача А. Гупты – на материале этнографии реализации индийских государственных программ по борьбе с бедностью проследить условия возможности следующего парадокса: забота о населении всерьез воспринимается государством, но при этом гибель миллионов бедных (особенно

женщин, детей, представителей нижних каст и коренных народов) не является скандалом (Gupta , 2012: 23).

Другими словами, с точки зрения Гупты, продолжающаяся гибель бедных – следствие структурного насилия (неравного распределения ресурсов), которое производится, в том числе, в процессе развертывания бюрократических процедур по оказанию помощи бедным. При этом не важно, насколько искренни и старательны чиновники в желании помочь – сами бюрократические процедуры производят насилие, оборачивающееся смертью бедных. Соответственно, дело не в том, чтобы улучшить эффективность реализации программ, проблема в способе реализации. Гупта стремится обосновать следующий тезис: бюрократические действия систематически воспроизводят произвольные (случайные, arbitrary) последствия в ходе обеспечения заботы (6), что составляет специфическую модальность не-заботы, беззаботности относительно последствий (23). Произвольность заключается в том, что одни нуждающиеся получают помощь, а другие – нет, и выбор происходит неконтролируемо, случайно (24). Соответственно, вопрос, который кажется важным задать Гупте – каким образом современное бюрократическое государство, отличительной особенностью которого является рациональность принимаемых решений, систематически производит такого рода случайность. Притом к указанной произвольности приводит именно следование правилам. При этом производимая случайность не имеет негативного влияния на самих чиновников, которые могут быть довольны тем, что выполнили работу настолько, насколько это было возможно. Однако для их контрагентов разница может означать разницу между жизнью и смертью (14).

Итак, согласно А. Гупте, бюрократия производит структурное насилие. Притом дело в самих процедурах, а не в злокозненных чиновниках. Структурное насилие выражается в случайности последствий для контрагентов и связано со следованием правилам.

Дэвид Гребер делает следующий шаг и предлагает некоторый принцип, согласно которому бюрократические процедуры неизбежно ведут к неравному распределению ресурсов. Для этого он предлагает следующее простое понимание особенностей повседневного общения с другими людьми: поддержание социальных связей требует работы воображения или «интерпретативной работы» - приложения усилий по расшифровке мыслей и мотивов других людей (Гребер, 2016: 63). В обычных условиях, чтобы добиться чего-то от другого, надо хотя бы немного представлять себе его взгляды и интересы (чтобы, например, увлечь его желаемым действием). Насилие меняет обычные условия. Угроза применения насилия является своеобразной альтернативой работе воображения, поскольку позволяет добиться от другого требуемого результата без дополнительных затрат на воображение (63). Это означает, что применяющий насилие может обойтись очень упрощенным представлением о контрагенте. Угроза применения насилия, таким образом, создает искаженные структуры воображения, когда одна сторона вынуждена воображать желания и наклонности второй, но не наоборот. Структурное насилие (неравномерное распределение ресурсов) держится на угрозе насилия при попытке перераспределения ресурсов (65). Бюрократические институты связаны с распределением ресурсов в рамках системы прав собственности, которая регулируется и гарантируется правительством через систему, покоящуюся, в конечном счете, на угрозе применения насилия (55), а значит, порождают искаженные структуры воображения и поддерживают структурное насилие. Акцент на роли воображения наиболее важен для дальнейшего исследования. Диалог и партнерские отношения невозможны без более или менее равно распределенной между партнерами работы воображения.

Вытекающая из применения указанной системы понятий исследовательская гипотеза может быть сформулирована следующим образом: государственная этнологическая экспертиза как бюрократическая процедура основана на установлении некоторых правил, исполнение которых поддерживается, в

конечном итоге, угрозой применения насилия, монополией на легитимное использование которого обладает государство, – несмотря на определенные преимущества такого положения, она также характеризуется структурным насилием в отношении КМНС, т.е. способствует скорее исполнению установленных в их отношении сравнительно простых правил, нежели учету более сложных и запутанных интересов конкретных групп людей в конкретных обстоятельствах (чего можно ожидать от диалога и партнерства), что в итоге порождает искаженные структуры воображения и внимания, и, в частности, приводит к принятию управленческих решений в условиях суженного, неадекватного знания о контрагенте (в данном случае – группах КМНС), что сопровождается систематическим воспроизводством неравенства.

В данном исследовании испытание указанной гипотезы на эмпирическом материале практики проведения этнологической экспертизы в РС(Я) касается в большей степени заявленных причин (исполнение правил в ущерб учету реальных отношений, суженная перспектива на положение контрагента), нежели следствий (систематическое воспроизводство неравенства), что определяется преимущественно характером собранного полевого материала – вернее, того, что, по разным причинам, собрать не удалось.

Следует заметить, что указанную особенность неравномерного распределения внимания между добывающей компанией и аборигенными группами (в то время, как диалог, очевидно, предполагает равномерное распределение внимания между участниками) вслед за Н.И. Новиковой отмечает Е.В. Миськова: «если нефтяник попадает в перспективу охотника, то абориген в перспективе нефтяника просто отсутствует» (2016: 98). Существенное отличие, однако, заключается в том, что для обеих авторов объяснение такой неравномерности распределения внимания опирается на разницу в мировоззрении: «для мировоззрения охотника важны обратная связь с землей, восприятие ее в качестве судьбы, для нефтяника важны представления о его собственной избранности и значимости, а данная территория – инструмент» (Там

же), в то время как акцент в данном исследовании будет сделан на бюрократических механизмах, задающих такие способы сторон относиться друг другу, которые подталкивают к названной неравномерности и воспроизводят её. Когда авторы пишут: «Приходится без конца констатировать, что в основе их мировоззренческий дисбаланс – не в неспособности понимать доминирующим большинством “нефтяников” позиции меньшинства “охотников”, а в отсутствии доверия и уважения к позиции “диких аборигенов, живущих на земле нашего месторождения” (Новикова 2014: 211)» (Миськова, 2016: 98), с точки зрения предложенной здесь концептуальной рамки следует продолжить: ...при этом указанный дисбаланс и сама возможность того узкого самомнения, которым характеризуются «нефтяники», обеспечены тем фоном искаженных структур воображения и структурного насилия, в условиях которого происходит взаимодействие сторон, и который систематически воспроизводится в рамках бюрократических процедур. Структурное насилие создаёт условия, обратные тем, которые нужны для диалога.

Следовательно, **цель** данной работы можно сформулировать следующим образом: исследовать возможности и ограничения функционирующей в настоящее время в РС(Я) процедуры ЭЭ относительно её способности быть площадкой для диалога между КМНС и другими хозяйствующими субъектами. Для достижения указанной цели следует: а) детально описать и б) проанализировать, исходя из принятой концептуальной рамки, процедуру ЭЭ. Обе задачи решаются параллельно в каждой главе относительно разных типов источников и, соответственно, разных способов описания ЭЭ. Таким образом, работа имеет следующую структуру: 1) первая глава основана на принятых нормативно-правовых актах и дает некую идеальную схему проведения ЭЭ; 2) вторая – на том, как обсуждаются характер, результаты и особенности проведения этнологической экспертизы в публичном пространстве и академической литературе; 3) третью главу я построил на собственных полевых

материалах; в тексте анализируется то, как проговаривается и представляется исполнение экспертизы непосредственными участниками в концентрированном пространстве интервью и как реализуются отдельные моменты процедуры, зафиксированные методом включенного наблюдения. Итоги анализа даются в Заключении. Некоторые важные материалы вынесены в Приложение.

Достижение цели исследования предполагает детальное описание бюрократической процедуры, т.е. определенной последовательности упорядоченных действий определенного круга участников, каждый из которых связывает со своими действиями и действиями других некоторые смыслы. Исходя из этого, наиболее адекватным представляется использование этнографического метода. Однако процедура ЭЭ происходит не в «традиционном» поле, имеющем более или менее определенные границы, а в «современном», сложно организованном обществе, так что в процедуру вовлечены акторы, вступающие как в локальные взаимодействия некоторой повседневности, так и (с помощью средств связи, в т.ч. транспортных сетей) в более широкие отношения с удаленными (как пространственно, так и социально) акторами. Проследить все эти связи и их взаимное влияние друг на друга в рамках классического этнографического исследования представляется не только затруднительным, но и невозможным.

В этих условиях уместным является проведение множественного полевого исследования (multi-sited fieldwork, см. Marcus, 1995). Данный метод предполагает большую опору, помимо включенного наблюдения, на интервью и другие источники информации, а также сознательное конструирование поля, отсечение данных, не относящихся непосредственно к исследуемой проблеме (подробное обсуждение преимуществ и недостатков множественного полевого исследования см. Robben, Sluka, 2007; Falzon 2009; Coleman, Hellermann, 2011). Для данного исследования материалы собирались в г. Якутске (июнь-июль 2016 года), а также в г. Москве (сентябрь 2016 года, март 2017 года) с использованием

включенного наблюдения (заседание экспертной комиссии), а также полуструктурированных и неструктурированных интервью с членами экспертной комиссии этнологической экспертизы, экспертами, исполнителями раздела проектной документации «Оценка воздействия на этнологическую среду», главой муниципального образования, главным инженером компании-заказчика экспертизы, автором закона об этнологической экспертизе (подробнее о вовлеченных в организацию ЭЭ участниках см. первую главу). Помимо диктофонных записей, расшифровок, полевого дневника в состав полевых материалов также входят любезно предоставленные собеседниками в ходе полевого исследования документы, сопровождающие процедуру этнологической экспертизы: заключение экспертной группы на материалы ОВЭС; протокол заседания экспертной комиссии; отдельные разделы готовящегося ОВЭС; открытая документация по закупке, техническое задание, коммерческое предложение, а также договор на реализацию ОВЭС.

Кроме материалов, собранных в процессе полевого исследования и упомянутой выше академической литературы, источниками для работы послужили также нормативно-правовые акты, регулирующие проведение этнологической экспертизы (законы, постановления, административные регламенты), материалы парламентских слушаний (как федеральных, так и региональных), отчеты глав муниципальных образований.

Часть положений данного исследования была представлена в рамках международного курса «Распоряжение ресурсами: глобальные теории и локальные подходы» (Resource governance between global theories and local approaches) аспирантской и магистерской программы тематической сети «Добывающие индустрии в Арктике» Университета Арктики.

Доклад, подготовленный по результатам исследования, планируется представить на XII Конгрессе антропологов и этнологов России (Ижевск, 3-6 июля 2017 г.).

Работа состоит из введения, трёх глав, заключения, списка литературы и приложения.

1. Законодательство

Этнологическая экспертиза является государственной услугой, которую предоставляет уполномоченный орган Правительства Республики Саха (Якутия) заказчикам по соответствующему запросу. Проведение этнологической экспертизы в РС(Я) регламентируется в первую очередь следующими нормативно-правовыми актами:

- Федеральный закон от 30.04.1999 N 82-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»
- Закон Республики Саха (Якутия) от 14.04.2010 820-3 N 537-IV «Об этнологической экспертизе в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)»
- Постановление Правительства РС(Я) от 06.09.2011 N 428 «О порядке организации и проведения этнологической экспертизы в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов»

В названных документах этнологическая экспертиза определяется как «научное исследование влияния изменений исконной среды обитания малочисленных народов и социально-культурной ситуации на развитие этноса» (О гарантиях, ст.1). Источником указанных изменений признается «хозяйственная и иная деятельность в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов» (Об этнологической экспертизе, ст.1), соответственно, заказчиком этнологической экспертизы может выступать «юридическое лицо, которое будет осуществлять намечаемую хозяйственную или иную деятельность» (Об этнологической экспертизе, ст.5). При этом этнологическая экспертиза должна быть в обязательном порядке проведена до принятия решений о реализации намечаемой хозяйственной и иной деятельности (Об этнологической экспертизе, ст.4).

Результатом проведения этнологической экспертизы является заключение, которое утверждается Правительством РС(Я), должно содержать «обоснованные выводы о допустимости (недопустимости) воздействия на исконную среду обитания и традиционный образ жизни малочисленных народов намечаемой хозяйственной и иной деятельности и о возможности ее реализации» (ст.8) и может быть, соответственно, положительным или отрицательным. В отсутствие положительного заключения этнологической экспертизы реализация хозяйственной и иной деятельности в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов не является легальной.

Заключение этнологической экспертизы принимается квалификационным большинством состава экспертной комиссии, при этом состав комиссии утверждается Правительством РС(Я). Текст заключения этнологической экспертизы готовится на основании заключения экспертной группы, его содержание, так же как и содержание текста заключения экспертизы регламентировано (О порядке организации..., раздел III, ст. 6, 17-19). Экспертные группы в составе не менее трёх экспертов создаются при экспертной комиссии в каждом отдельном случае проведения экспертизы. Собственное заключение экспертные группы пишут на основании документов, полученных от заказчика вместе с заявлением на проведение экспертизы. В состав указанных документов входит пояснительная записка по реализации задуманной заказчиком деятельности и соответствующая проектная документация. Одним из разделов проектной документации, который не упомянут в указанных выше НПА, но упомянут в административном регламенте предоставления государственной услуги по проведению этнологической экспертизы⁷ является

⁷ Прежде функции уполномоченного органа по реализации этнологической экспертизы выполняли Департамент по делам народов РС(Я), а затем Государственный комитет РС(Я) по делам национальностей (Госкомнац). В рамках деятельности Департамента по делам народов РС(Я) был утвержден административный регламент предоставления государственной услуги «Этнологическая экспертиза в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов» (приложение к приказу Департамента по делам народов Республики Саха (Якутия) от «18» июля 2012 г. № 67-од). Несмотря на то, что в настоящее время уполномоченным органом по реализации этнологической экспертизы в Республике Саха (Якутия) является Управление по делам национальностей и коренных малочисленных народов Севера в

раздел «Влияние изменений исконной среды обитания малочисленных народов и социально-культурной ситуации на развитие этноса» (в интервью, собранных мной во время полевого исследования, данный раздел проектной документации фигурировал под названием «ОВЭС» – это название будет употребляться впредь как синонимичное), содержание которого также регламентировано. В целом, указанный раздел должен давать основные сведения о проекте намечаемой деятельности и об альтернативных вариантах его реализации; характеризовать состояние малочисленных народов, состояние видов традиционной хозяйственной деятельности, состояние соответствующих последней земель и необходимых ресурсов, а также фиксировать значимые объекты историко-культурного наследия, поселения, значимые постройки и стоянки; давать оценку размера причиненных убытков; давать рекомендации и предложения по минимизации ущерба и обеспечению устойчивого развития затронутых освоением мест проживания КМНС (Административный регламент..., ст. 25.2⁸).

В имеющихся НПА не регламентировано, каким образом заказчик готовит описанный раздел проектной документации. Зачастую он прибегает к помощи соответствующих консалтинговых агентств, способных выполнить удовлетворяющее названным требованиям исследование. Деятельность исполнителя не упоминается в указанных выше НПА, однако, косвенным образом регламентирована: так, оценка размера убытков причиненных малочисленным народам и их объединениям в результате нанесения ущерба их исконной среде обитания осуществляется в соответствии с «Методикой исчисления размера убытков, причиненных объединениям коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской

составе Министерства по развитию институтов гражданского общества РС (Я) (Приказ от 05.08.2016 №100-П «Об утверждении Положения об Управлении по делам национальностей и коренных малочисленных народов Севера»), соответствующего регламента, утвержденного Минобщества мне обнаружить не удалось. Между тем, без учета информации, содержащейся в регламенте, на основании только указанных выше нормативно-правовых актов (НПА) можно было бы составить неверное представление о процессе проведения этнологической экспертизы.

⁸ По-видимому, в тексте Постановления допущена опечатка, поскольку те же самые требования, перечисленные в административном регламенте как требования к разделу проектной документации, в тексте Постановления перечислены как требования к этнологической экспертизе вообще (раздел II, ст. 3).

Федерации в результате хозяйственной и иной деятельности организаций всех форм собственности и физических лиц в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации», утвержденной приказом Министерства регионального развития Российской Федерации от 09.12.2009 N 565» (О порядке организации, раздел II, ст. 5). Указанная Методика⁹ включает в состав убытков как реальный наносимый ущерб («документально подтвержденные расходы»), так и упущенную выгоду, и рекомендует исчислять размер убытков в зависимости от причиненного среде обитания малочисленных народов ущерба (Об утверждении методики...: ст. 1.3, 1.5). При этом учитываются основные виды традиционной хозяйственной деятельности: оленеводство, промысловая охота, рыболовство, собирательство, которые указаны в Перечне видов традиционной хозяйственной деятельности КМНС (Распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 мая 2009 г. N 631-р). Ущерб рассчитывается на основе оценки качества используемых КМНС природных ресурсов «в разрезе геоботанических контуров». При этом прежде чем приступать к расчету убытков на конкретном участке, рекомендуется рассчитать нормативные показатели на региональном уровне (Об утверждении методики: ст. 2.9).

Таким образом, полевые исследования проводят исполнители ОВЭС, сама процедура этнологической экспертизы не предполагает проведения экспертами полевых, или вообще каких-либо научных исследований¹⁰. Задача экспертной группы состоит в том, чтобы оценить соответствие полученных на экспертизу документов, требованиям законодательства, а также оценить адекватность приведенных в документации заказчика исчислений размеров компенсации убытков, понесенных пользователями земель и других природных ресурсов в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов и разработанных им предложений и рекомендаций,

⁹ Здесь и далее слово «Методика» отсылает к названному документу.

¹⁰ Интересно, что первое важное различие, которое моим собеседникам казалось важным закрепить для начала разговора об этнологической экспертизе – это именно различие между научным исследованием и экспертной процедурой (ПМА, 2016 – эксперт рабочей группы; исполнитель ОВЭС).

направленных на социально-экономическое и культурное развитие малочисленных народов, защиту их исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйствования и промыслов (задачи этнологической экспертизы №5 и №6 – Об этнологической экспертизе, ст.3).

Итак, всего в процесс реализации этнологической экспертизы активно вовлечены:

- Правительство РС(Я) через соответствующий уполномоченный орган (на момент написания работы – Министерство по развитию институтов гражданского общества Республики Саха) – организует проведение экспертизы, утверждает состав экспертной комиссии, утверждает заключения экспертной комиссии;
- экспертная комиссия – формирует экспертные группы, готовит заключение этнологической экспертизы на основе заключения экспертной группы;
- эксперты экспертной группы – рассматривают документы, подготовленные заказчиком, готовят заключение экспертной группы;
- хозяйствующий субъект, заказчик – подает заявление на проведение этнологической экспертизы, подает материалы и документы, необходимые для проведения экспертизы, финансирует проведение экспертизы, участвует в заседании экспертной группы;
- исполнитель ОВЭС – готовит раздел ОВЭС в составе проектной документации заказчика.

Следует отметить, что КМНС упоминаются в приведенных выше НПА в качестве участников экспертизы, однако описание их роли не совсем очевидно для истолкования: «Малочисленные народы и их объединения имеют право делегировать представителей в экспертную комиссию этнологической экспертизы, а также участвовать в проведении этнологической экспертизы при разработке федеральных и региональных государственных программ освоения природных ресурсов и охраны окружающей среды в местах традиционного

проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов» (Об этнологической экспертизе, ст.5¹¹). В качестве представителей малочисленных народов в составе комиссии могут быть названы президент Ассоциации коренных малочисленных народов Севера РС(Я), председатель Совета старейшин Ассоциации коренных малочисленных народов Севера РС(Я), Уполномоченный по правам коренных малочисленных народов Севера в РС(Я) (3 из 18 членов комиссии). При этом все указанные представители КМНС, очевидно, не являются непосредственными представителями тех групп, на территории которых планируется рассматриваемая на экспертизе деятельность. Участие же самих этих групп или их непосредственных представителей никак не обозначено. Что же касается проведения этнологической экспертизы «при разработке федеральных и региональных государственных программ...» - нигде более не описывается как бы могла происходить подобная экспертиза, и случаев такой экспертизы не было.

При реализации этнологической экспертизы события разворачиваются в следующей последовательности:

- юридическое лицо, предполагающее какую-либо деятельность на некоторой территории, делает запрос в соответствующий орган Правительства РС(Я) – в Министерство по развитию институтов гражданского общества РС (Я) (Минобщества) – с тем, чтобы выяснить, относится ли интересующая юридическое лицо территория к местам традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов;
- получив подтверждение о соответствующем статусе некоторой территории юридическое лицо готовит ОВЭС – в обычном случае (т.е. во всех, проведенных до сих пор экспертизах) в качестве подрядчика

¹¹ Здесь воспроизводится положение из закона «О гарантиях...» (1999, ст. 8), но исходя из последнего также не очевидно, что имели в виду законодатели.

нанимается отдельный исполнитель, который в течение некоторого времени проводит необходимые исследования;

- заказчик подает полный комплект документов в уполномоченный орган по проведению этнологической экспертизы;
- экспертная комиссия на очередном заседании формирует и утверждает состав экспертной группы, которая будет проводить экспертизу поданной заказчиком документации;
- экспертная группа готовит заключение экспертной группы (с рекомендацией принять положительное или отрицательное заключение экспертной комиссии) по документации заказчика при необходимости обращаясь к заказчику за дополнительной информацией;
- на заседании экспертной комиссии, при участии представителей заказчика, непосредственных представителей КМНС соответствующего района (впрочем, без права голоса) рассматривается заключение экспертной группы и принимается положительное или отрицательное заключение экспертной комиссии;
- принятое заключение экспертной комиссии утверждается распоряжением Правительства РС(Я), после чего приобретает силу нормативно-правового акта и обязательно к исполнению;
- в случае положительного заключения, реализация заказчиком хозяйственной или иной деятельности должна сопровождаться этнологическим мониторингом¹².

Всего на апрель 2017 года было проведено 8 этнологических экспертиз. Все проекты получили положительные заключения. Таблица с основными сведениями о проведенных экспертизах дана в приложении №1.

¹² На данный момент опыт проведения такого мониторинга в РС(Я), а также какая-либо разъясняющая документация по способам его проведения отсутствуют.

Исходя из рассмотренных НПА, государственная этнологическая экспертиза в РС(Я) представляется как обязательная для юридического лица, хозяйствующего на территории данного региона, упорядоченная процедура научного исследования (хотя эксперты государственной экспертизы, строго говоря, не проводят непосредственное научное исследование), в ходе которой удостоверяется корректность проведенных хозяйствующим субъектом с помощью определенной Методики расчетов убытков, наносимых группам КМНС, которые ведут традиционный образ жизни на нормативно зафиксированных согласно действующему законодательству территориях, а также адекватность предложенных мер по снижению негативного воздействия на жизнедеятельность указанных групп.

В следующей главе будет охарактеризовано представление этнологической экспертизы в РС(Я) в академической литературе.

2. Академическая литература

Литературу, касающуюся этнологической экспертизы в Якутии можно разбить на несколько условных блоков. В одних работах даётся общая характеристика ЭЭ (Слепцов, 2013, 2015; Шадрин, 2014); в других работах обсуждаются отдельные аспекты процедуры этнологической экспертизы (Бурцева и др., 2012; Сосин, 2015; Бурцева, 2015; Потравный, Баглаева, 2015; Баишева, 2016; Величенко, 2016; Потравный и др., 2016; Пахомов, Чомчоев 2017); некоторые работы связаны с описанием отдельных экспертиз (Баишева, 2014-а; Романова, Алексеева, 2015-б; Гассий и др., 2016; Пахомов, Мостахова, 2016).

Также можно выделить блок статей, которые характеризуют правовое или социальное состояние тех или иных групп КМНС, отдельные проблемы их взаимоотношений с добывающими компаниями, и в этом контексте упоминают этнологическую экспертизу (Астахова, 2011; Шадрин, 2015; Романова, Алексеева, 2015-а; Алексеева, 2015; Потравный и др., 2016; Мостахова, 2016).

Поскольку последний блок статей проговаривает контекст, в котором разворачивается этнологическая экспертиза, можно начать с него. Согласно закону (Об общих принципах..., ст. 1) к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации отнесены «народы, проживающие в районах Севера, Сибири и Дальнего Востока на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями». На основании закона установлен перечень КМНС (Об утверждении перечня коренных..., 2006). На территории РС(Я) проживают группы следующих КМНС, упомянутых в перечне: эвены, эвенки, юкагиры, долганы, чукчи.

В «Перечень мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации» (Об утверждении перечня мест..., 2009) входит 71 сельский

населенный пункт из 21-го района РС(Я) (Шадрин, 2014: 333). На этих территориях проживают 80,4% долган, 70,4% чукчей, 66% эвенков, 63,7% юкагиров, 59,4% эвенов РС(Я) (Романова и др., 2012: 100) и зарегистрировано свыше 200 кочевых родовых общин и сельхозкооперативов, занятых в традиционных видах хозяйственной деятельности – оленеводстве, охоте и рыболовстве (Романова, Алексеева, 2015-а: 86). При этом долганы, чукчи и юкагиры расселены (имеются в виду места компактного проживания) преимущественно в арктической зоне РС(Я) – в Анабарском, Верхне- и Нижнеколымском улусах; эвенки – как в арктической зоне (Анабарский, Булунский, Жиганский, Оленёкский улусы), так и в горно-таёжной (Алданский, Нерюнгринский улусы), и таёжной (Олекминский, Усть-Майский улус) зонах; эвены – в арктической (Момский, Нижне-Колымский, Усть-Янский улусы) и горно-таежной зонах (Кобяйский, Томпонский улусы). Всего к национальным административно-территориальным образованиям отнесены 44 наслега и 4 административных района (Бурцева, 2015: 186). Кроме того, на территориях некоторых из перечисленных районов образованы территории традиционного природопользования местного значения (Шадрин, 2015).

При этом описание положения КМНС в целом свидетельствует о наличии структурного насилия (в смысле Галтунга) и социального неравенства в отношении этих групп населения. Так, наиболее низкий уровень зарплаты выплачивается в сельскохозяйственных улусах (например, в 2013 году, в среднем по республике – 46 тыс. руб., в арктических районах – 39 тыс. рублей), где в основном проживают представители КМНС, при этом заработная плата работников аграрного сектора, значительно ниже средней зарплаты по республике – на 65%, а тем более средней по другим видам экономической деятельности, например: добыча полезных ископаемых – почти 92 тыс. руб., финансовая деятельность – 108 тыс. руб., при этом по сельскому хозяйству и охоте – 12 тыс. (Романова и др., 2012: 104; Мостахова 2016: 340).

Также отмечается более низкий уровень развития социальной инфраструктуры в местах компактного проживания малочисленных народов:

«...в рамках существующего норматива спрос на детские дошкольные учреждения удовлетворен на 50%, общеобразовательные школы – 78%, больничные койки – 65%, учреждения культуры – 63%, жилье – 97%. ... Обеспеченность водопроводом составляет 24% против 53,2% по РС(Я), соответственно канализацией – 66,4% (72,7%), отоплением – 66,4% (72,7%), ваннами (душем) – 23,5% (50,4%), газом – 1,3% (27,2%), горячим водоснабжением – 13,3% (50,7%), напольными электроплитами – 5,7% (27,1%). ... [Б]ольшинство объектов социальной инфраструктуры и жилищного фонда поселений КМНС находятся в крайне изношенном или аварийном состоянии, так как построены в основном из деревянных панелей в 60–70-х годах прошлого столетия» (Романова и др., 2012: 104-105).

Соответственно, отмечается превышение среднереспубликанского показателя младенческой и детской смертности; рост общей зарегистрированной заболеваемости как взрослого, так и детского населения, повышенные относительно среднестатистических показатели заболеваемости алкоголизмом, туберкулезом. Так, уровень смертности на почве алкоголизма среди коренных народов Севера в 16 - 20 раз превышает уровень другого населения, проживающего в этих же районах. Смертность от инфекционных болезней, в основном от туберкулеза, среди КМНС – в три раза выше, чем средняя по стране (Романова и др., 2012: 101-102; О рекомендациях, 2015; Доклад РФ, 2016: 107).

К факторам, влияющим на сохранение такого положения относят неблагоприятный климат, экологическую уязвимость, высокую себестоимость производимой продукции, значительные транспортные издержки в силу расстояний (О рекомендациях, 2015; Сосин, 2015), а также небольшую численность, относительную изолированность и низкое генетическое разнообразие, которые, в условиях негативного техногенного воздействия на экологию, приводят «к снижению естественных адаптационных механизмов популяции» (Бурцева и др., 2012: 17)

Что касается промышленного освоения, то в целом отмечается «новый виток интенсивного промышленного освоения» территории Республики (О рекомендациях, 2015), о чем, в том числе, свидетельствуют следующие документы стратегического планирования: Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года (распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2009 года № 2094-р); Схема комплексного развития производительных сил, транспорта и энергетики Республики Саха (Якутия) до 2020 года, утвержденная постановлением Правительства Республики Саха (Якутия) от 06.09.2006 № 411 и одобренная Правительством Российской Федерации (протокол № 5 от 08 февраля 2007 года); Программа социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) на период до 2025 года и основных направлений до 2030 года» (Романова, Алексеева, 2015-а: 84).

На парламентских слушаниях в Ил-Тумэн на тему «Правовое регулирование вопросов взаимодействия промышленных компаний-недропользователей и коренных малочисленных народов Севера в местах компактного проживания этих народов» в 2015 году (О рекомендациях, 2015) отмечалось, что 144 недропользователя работают в местах компактного проживания малочисленных народов, крупнейшие среди которых:

- АК «АЛРОСА» - на территориях Анабарского, Булунского, Оленекского улусов (есть опыт ЭЭ);
- ОАО «Алмазы Анабара» - Анабарский и Оленекский улусы;
- ОАО «Нижне-Ленское» - на территориях Булунский и Оленекский улусы (есть опыт ЭЭ);
- ЗАО «Горно-металлургическая компания «Тимир» - на территориях Алданского и Нерюнгринского районов (есть опыт ЭЭ);
- ООО «Нерюнгри-Металлик» - Олёмминский район;
- ЗАО «Прогноз» - Кобяйский улус;
- ООО «Восток Инжиниринг» - Оленекский район;

- ОАО «Сургутнефтегаз» - на территории Олёкминского района;
- ООО «Газпром трансгаз Томск» - Алданский и Нерюнгринский районы (есть опыт ЭЭ);
- ООО «Транснефть-Восток» - Алданский и Нерюнгринский районы.

В «Докладе о соблюдении прав и законных интересов коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) и о деятельности Уполномоченного по правам коренных малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия) за 2015 год» отмечается, что «в районах проживания коренных малочисленных народов Севера ведут хозяйственную деятельность 179 предприятий на 381 участке в 20 муниципальных районах» (Доклад, 2016: 29).

«Горячими» точками промышленного освоения территории РС(Я), на которых проживают группы КМНС называют области Южной и Северной Якутии (Бурцева, 2015: 187). Южную Якутию составляют три муниципальных образования: Алданский, Нерюнгринский и Олекминский улусы. На этой территории, согласно мегапроекту «Комплексная программа развития Южной Якутии» планируются строительство Канкунской ГЭС «РусГидро», автомобильной дороги «Малый Нимныр» – створ Канкунской ГЭС», ЛЭП 500 кВ Канкунская ГЭС – Нерюнгри и ПС 500/220/110 кВ, газопровода «Газпром», добыча и переработка железной руды «ГМК Тимир» (Сосин, 2015: 70-71). Здесь также ведутся интенсивные разработки нефти и газа, построен нефтепровод «ВСТО», идет строительство газопровода «Сила Сибири», железной дороги «Томмот – Нижний Бестях». (Романова, Алексеева, 2015-а: 85)

В Северной Якутии, к которой относятся арктические районы Республики разведаны «Перспективные запасы углеводородов в пределах южной акватории моря Лаптевых и примыкающей к ней береговой материковой суши» (была пройдена ЭЭ), происходит освоение Томторского комплексного редкоземельного месторождения (ниобий, иттрий, скандий, лантан и др.) для

обеспечения топливно-энергетическими ресурсами которого используется Прончищевская нефтегазоносная площадь (Бурцева, 2015: 188).

Промышленное освоение очевидным образом затрагивает группы КМНС. В первую очередь, в результате промышленного освоения – реализации добывающих и инфраструктурных проектов, сокращаются площади оленьих пастбищ и охотничьих угодий, ухудшается качество водных ресурсов и экологическая ситуация в целом. Как отмечают некоторые авторы: «сокращается сама среда обитания малочисленных народов Севера, занятых традиционными видами хозяйственной деятельности» (Власов, 2013). Это ведёт к снижению производства в традиционных отраслях хозяйства и к целому ряду негативных последствий для сохранения образа жизни КМНС: к повышению уровня безработицы коренного населения, уровня смертности; к росту этнически смешанных браков, утрате родного языка и элементов материальной культуры (Баишева, 2014-а: 95; см. также Романова, Алексеева, 2015-а: 85). При этом снижается престиж занятости в традиционных промыслах Севера, трансформируется шкала традиционных ценностей в аборигенном сообществе, распространяются заболевания на стрессовой почве (Пахомов, Мостахова, 2016: 135; Пахомов, Чомчоев 2017: 39).

Последние авторы выделяют также положительное влияние от реализации промышленных проектов: рост экономики; повышение уровня занятости местного населения; доп. финансирование отраслей бюджетной сферы; развитие производственной и социальной инфраструктуры поселений; развитие транспортной схемы, малого и среднего бизнеса; дополнительные налоги и платежи в бюджеты разных уровней; повышение уровня и качества жизни населения в целом. (Пахомов, Мостахова, 2016: 135; Пахомов, Чомчоев 2017: 39)

Кажется важным отметить здесь некоторую дополнительную отрицательных и положительных моментов: снижение производства в традиционных отраслях на фоне роста экономики «вообще»; высокие уровни

смертности и заболеваемости среди коренного населения на фоне повышения уровня и качества жизни населения «в целом»; разрушение среды обитания КМНС на фоне развития производственной и социальной инфраструктуры поселений. Подобного рода неравномерность в распределении ресурсов и жизненных возможностей, когда благо «для всех» никак не становится благом также и для конкретных некоторых отсылает к парадоксу, который отметил Ахил Гупта: рационально обоснованная забота в руках современного рационального бюрократического государства каким-то образом приводит к неконтролируемым, неучтенным и при этом негативным последствиям.

Вернемся к академической литературе. Помимо непосредственного воздействия от реализации проектов, ситуация предполагает также некоторые формы взаимодействия между группами КМНС и компаниями. К таковым относятся, в частности, договорные отношения с местным населением. В силу требований законодательства участвовать в устойчивом развитии местных поселений, недропользователи обычно заключают с органами власти района и сельской администрацией трехстороннее «Соглашение о сотрудничестве», в котором стороны договариваются о финансовой помощи, подготовке кадров из местного населения и трудоустройстве на предприятия недропользователя, закупках местной сельхозпродукции (Алексеева, 2015: 223; Рекомендации, 2015; Шадрин, 2015).

Другой формой взаимодействия между компанией и местным населением является социальная ответственность. К последней относят строительство различных социальных объектов (больница, детские сады, дома для ветеранов и сирот и др.), организацию перевозок жителей, доставки различных грузов; строительство и содержание дорог; приобретение местной сельхозпродукции (рыба, оленина и др.) для обеспечения питанием работников предприятия; оказание адресной помощи различным категориям граждан (инвалидам, ветеранам Великой Отечественной войны и труженикам тыла, детям-сиротам); развитие культуры и спорта (Потравный и др., 2016-а: 60-61). Именно эти

действия и приводят к тем позитивным последствиям реализации промышленных проектов, которые обсуждались выше.

С другой стороны, также вслед за А. Гуптой (2012: 26) следует отметить, что коренные жители являются не только «получателями» позитивных или негативных последствий промышленного освоения, но активными участниками взаимодействия. Так, в литературе описываются примеры более или менее открытого противостояния сторон: противостояние вокруг ресурсного резервата «Терпей-Тумус» (Анабарский улус), где расположены угодья родовых общин, МУПа «Терпай» и МУПа им. Героя Спиридонова, и в отношении которого ООО «РТ-Глобальные ресурсы» с 2014 года пытаются изменить границы ООПТ; противостояние между жителями села Тас-Юрях и компанией «Тас-Юрях Нефтегазодобыча» в Мирнинском районе по поводу строительства водозабора, необходимого для обеспечения пресной водой Среднеботуобинского нефтяного месторождения (Мостахова, 2016: 342; Пахомов, Мостахова, 2016: 139); противостояние между жителями Оленекского эвенкийского национального улуса и компанией ОАО «Нижне-Ленское» по поводу выдачи лицензии на геологоразведочные и добычные работы на реке Малая Куонамка (Гассий и др., 2016: 91).

Некоторые статьи (впрочем, немногие), написанные по следам полевых исследований дают слово представителям КМНС. Вообще, приводится гораздо больше количественных данных, чем качественных. Так, результаты исследований авторам статей кажется более убедительным представлять в виде таблиц с распределением процентов. Отметить этот момент мне кажется важным, поскольку качественные методы позволяют легче проделывать работу воображения, необходимую для поддержания диалога и социальных связей вообще. Тем не менее, из имеющихся высказываний можно составить следующее представление о мнении КМНС по поводу промышленного

освоения. Во-первых, проговаривается чувство игнорирования, отсутствия внимания не просто к мнению коренного населения, но вообще к его наличию:

«Сейчас обсуждается вопрос прокладки газопроводной магистральной линии. Четыре национальных наслега – Тяньский, Токкинский, Жарханский, Киндигирский – выступили против 2-го варианта. ... Но, несмотря на это, они все-таки ведут изыскательскую работу. ... На картах промышленного освоения того же вышеупомянутого железорудного месторождения, на картах прохождения газопроводной линии нет знаков, обозначающих территории проживания КМНС. Моим первым вопросом к специалистам Газпрома был именно этот вопрос: есть ли у вас на картах условные обозначения, где населяют МНС? Но нигде на картах не было проставлено, как будто нас нет. Нас не обозначают, и получается, что мы здесь не живем. [Глава «Тянского национального наслега Олекминского улуса РС(Я)» Прокопьев А. Н. (интервью 2011 г.)]» (Романова и др., 2012: 109-110)

Во-вторых, заметно ощущение обмана, несправедливости:

«Возьмем линию ВСТО. У наслегов, через территории которых она проходит, получили согласование, дали такие обещания: мол, с Алдана будет ходить маршрутный автобус, понизятся цены на продукты и т.д. о ничего этого нет, эту дорогу они сделали, приватизировали, оформили в собственность компании и поставили шлагбаум. Этот факт нас настораживает, нам тоже пообещают, мы дадим согласование, но все, что сделают, оформят в собственность. ... Теперь меня возмущает тот факт, что, когда проходила линия нефтепровода, были публичные слушания и т.д. Но самое интересное, нитку проложили, но мы, оказывается, по той дороге, которая идет вдоль нефтепровода, не имеем права проезжать, по нашей земле не имеем права ехать. Пропуск выписывают из Хабаровска. [Глава «Жарханского национального наслега» Олекминского улуса РС(Я) Масина А. М. (интервью, 2011 г.)]» (Романова и др., 2012: 111)

И в-третьих, при всём при этом, проговаривается некоторое смирение перед неизбежностью промышленного освоения и надежда на партнерские отношения:

«На общем собрании наслега мы обсуждали вопрос прохождения газопровода по второму варианту. Все выступили и говорили, что, конечно, промышленное освоение должно пройти, его не нужно отрицать, но вместе с тем должны быть учтены и наши интересы [Глава «Тянского национального наслега Олекминского улуса РС(Я)» Прокопьев А. Н. (интервью 2011 г.)]» (Романова и др., 2012: 110).

«Мы лишь просим партнерских отношений, бережного отношения к природе, справедливого возмещения ущерба, компенсаций оленеводческим хозяйствам и родовым

общинам, а от промышленного освоения – комплексного экономического развития КМНС (А.Г. Григорьев, председатель правления Союза общин КМНС РС(Я), интервью 2015 г.)» (Романова, Алексеева, 2015-а: 86)

Итак, имеющиеся формы взаимодействия (договорные отношения, социальная ответственность компаний), кроме, пожалуй, протестов со стороны коренного населения, не приводят очевидным образом к обращению компаниями внимания на мнение и положение аборигенных групп, с которыми они взаимодействуют, не приводят, другими словами, к диалогу. Все они, кроме, опять же, протестных выступлений, которые, в свою очередь сравнительно редки, либо они редко освещаются в литературе, приводят скорее к воспроизводству того структурного неравенства в распределении ресурсов, которое фиксируется статистическими данными. При этом дело не в злонамеренности представителей добывающих компаний, а скорее в специфическом безразличии, которое обусловлено тем, что положение коренных (а иногда и их самих) незаметно, не видно.

Государственная этнологическая экспертиза выдвигается как решение, по крайней мере, части этих проблем. Например, А.Н. Слепцов (автор закона), констатируя, что «в силу объективных причин» КМНС в настоящее время в Российской Федерации не воспринимаются в общественном сознании как равноправные субъекты права, продолжает довольно оптимистично:

«Первый опыт Якутии по организации и проведению государственной этнологической экспертизы показывает, что народы Севера могут стать равноправными партнерами промышленных компаний при активном участии независимой стороны - органов государственной власти и научного сообщества. При этом они могут рассчитывать на учет их интересов при промышленном освоении территорий и на справедливую компенсацию ущерба» (Слепцов, 2015: 16).

Здесь интересна, с одной стороны, ставка на равенство в правах, с другой же стороны, особая роль в учете интересов не-равноправных иначе аборигенных народов связки государство-наука. Далее будут обсуждаться существенные

черты или моменты экспертизы, а также упоминаемые авторами достоинства и недостатки имеющейся процедуры.

Как было указано выше, всего 8 экспертиз проведено на данный момент. По сравнению с количеством компаний, ведущих деятельность в местах компактного проживания – кажется, что очень мало, на что указывают и различные авторы, и Уполномоченный по правам КМНС в РС(Я). Возможная причина, обсуждаемая в литературе: компании считают, что, работая в федеральном правовом поле (лицензия на разработку недр выдается федеральным правительством, поскольку земля и недра являются федеральной собственностью), они не несут ответственности по региональным правовым актам (*проблема неоднородного законодательства*). Однако, продолжают авторы, компании не правы, поскольку, согласно 76 статье Конституции, в которой перечислены предметы совместного ведения, к последним относятся и защита КМНС. Соответственно, на территории Республики ее законы, принятые по данным вопросам, имеют одинаковую силу с федеральными законами (Пахомов, Мостахова, 2016: 138; Пахомов, Чомчоев, 2017: 41).

Так или иначе, некоторые экспертизы были проведены. Обсуждая их результаты, А.Н. Слепцов обращает внимание на то, что в результате проведения экспертиз, компании-недропользователи должны были выплатить каждой пострадавшей общине от 2 до 17 млн рублей, и далее замечает:

«Для сравнения в 2007 г. при строительстве нефтепровода «Восточная Сибирь - Тихий океан» через территории традиционной хозяйственной деятельности шести кочевых родовых общин общая сумма компенсации за ущерб составила 4 млн рублей и была выплачена только благодаря личной позиции Президента Республики Саха (Якутия) В.А. Штырова, так как согласно позиции юристов ОАО «Транснефть» не было четких правовых оснований для выплаты компенсации за причиненный ущерб. А компенсация за ущерб природным биологическим ресурсам Алданского района на трассе прохождения нефтепровода протяженностью более 250 км ОАО «Транснефть» оценила на 150 тыс. рублей единовременной выплаты. При этом эти платежи ушли в бюджет Алданского района, а не на бюджеты национальных муниципальных образований на уровне поселения и кочевых родовых общин» (2013: 73).

Таким образом, одно из достоинств ЭЭ состоит в том, что если раньше общины малочисленных народов получали небольшие компенсации («благодаря личной позиции»), или совсем их не получали («платежи ушли в бюджет Алданского района»), теперь же они получают большие компенсации и с юридической необходимостью – согласно закону (*достоинство необходимости компенсации*). И именно они, а не кто-то другой (*достоинство адресности компенсации*). Впрочем, другие авторы отмечают, что вопрос получателя компенсаций ущерб остается неразработанным: должны ли это быть именно общины, или какие-либо общественные организации, или органы местного самоуправления (Шадрин, 2014: 337) (*проблема получателя компенсации*)? Вопрос связан с тем, как наилучшим образом распорядиться полученными средствами.

В данном случае мне кажется важным зафиксировать, что равноправие и учет интересов связывают именно с компенсацией: учет интересов достигается тогда, когда реальные, объективно зафиксированные (документально подтверждаемые) убытки справедливо (по рыночной цене) возмещаются правообладателю.

Впрочем, к положительным моментам реализации ЭЭ также отнесено участие в экспертизе представителей КМНС (*достоинство участия КМНС*). Уместно привести два фрагмента:

«Необходимо сказать, что на стадии формирования состава экспертной комиссии этнологической экспертизы Ассоциация коренных малочисленных народов Севера Якутии официально делегировала своих представителей в состав экспертной комиссии. ...[П]редставители Союза кочевых родовых общин РС(Я) и АКМНС РС(Я) активно участвовали в проведении оценки влияния на этнологическую среду строительства Канкунской гидроэлектростанции на реке Тимптон, в основном путем предоставления экономических, социальных и историко-культурных сведений о народах Севера, проживающих на данных территориях и ведущих кочевой образ жизни» (Слепцов 2013: 74).

В первом фрагменте участие выражается через представительство в экспертной комиссии, и в предыдущей главе уже была сделана ремарка на этот

счет. Во втором фрагменте участие выражается через предоставление (ученым) сведений. В других же контекстах, связанных с участием, представители КМНС не упоминаются.

Если вернуться к более устойчивым достоинствам, связанным с компенсацией ущерба, то следует заметить, что оценка ущерба традиционному природопользованию КМНС является одним из основных мероприятий ЭЭ¹³ (Слепцов, 2015: 20). Соответственно, большая часть обсуждения как в литературе, так и в поле касается именно Методики, которая должна обеспечивать объективный подсчет нанесенного ущерба.

Достоинство Методики подается схожим образом, как и достоинство всей экспертизы – она является утвержденной на федеральном уровне (Бурцева, 2015), а также, в отличие от других, для нее характерен комплексный подход к ущербу, учитывающий убытки разным видам традиционного природопользования – оленеводству, коневодству, охоте, рыболовству и собирательству (Слепцов, 2013: 74) (*достоинство видов ущерба*).

Впрочем, многие авторы отмечают и различные упущения в Методике. Так, отмечается, что в составе убытков не учтены ухудшение здоровья населения прилегающих территорий, вопросы обеспечения качества питьевой воды, радиационная безопасность (Сосин 2015: 73-74; Потравный и др., 2016: 84). Не учитывается также моральный ущерб правообладателя (*проблема видов ущерба*). С помощью Методики невозможно подсчитать ущерб неэкономическим составляющим традиционного образа жизни – культуре, языку, образу жизни (Шадрин, 2014: 336, Пахомов, Чомчоев, 2017: 40) (*проблема ущерба культуре*).

¹³ Что может показаться странным, поскольку и без ЭЭ необходимость компенсаций была прописана в федеральном законодательстве: «Согласно Федеральному закону от 30 декабря 1995 года N 225-ФЗ "О соглашениях о разделе продукции" в отношении участков недр, расположенных на территориях традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов, условиями аукциона должна быть предусмотрена выплата компенсаций за нарушение режима традиционного природопользования» (Рекомендации, 2015). Впрочем, отмечается проблема с дырами в федеральном законодательстве (например, отсутствие в ресурсном законодательстве соответствующих правам КМНС статей – см. Новикова, 2016: 128). В таком случае, закон об ЭЭ может быть понят как весьма изобретательная попытка закрыть дыры.

Кроме того, работы по оценке качества земель, из которых можно было бы почерпнуть исходные данные для расчета убытков природопользованию малочисленных народов Севера устарели – проводились в 1970-1980-х гг., или (в некоторых районах) не проводились вовсе (Бурцева и др., 2012: 18). Также отсутствуют актуальные геоботанические научные исследования (Баишева, 2014-а: 93) (*проблема устаревших исходных данных*).

Также в качестве проблемы отмечается отсутствие (недостаток) инструктивно-методических документов по оценке качества земель традиционного природопользования и по расчету региональных нормативных показателей по размерам убытков (Слепцов, 2013: 75), которые требуются согласно Методике.

Пример концентрированной критики Методики представляет статья В.В. Величенко (2016). В частности, автор отмечает излишнюю сложность (большое количество показателей и коэффициентов, которые необходимо учитывать; обязательность составления поконтурных ведомостей) (*проблема переусложненности*) и высокие затраты на полноценную реализацию Методики (необходимость регулярного проведения масштабных исследований по оценке качества земель для формирования нормативных показателей) (*проблема высоких затрат*), которая при этом не сопровождается очевидным повышением точности расчетов относительно других схожих методик. Автор приходит к выводу о необходимости разработки более адекватной методики оценки ущерба.

Некоторые авторы замечают, что расчет убытков по данной методике дает заниженную оценку потерь (Потравный и др., 2016: 84). К этому приводит, помимо невозможности учесть в рамках методики всё разнообразие убытков, то обстоятельство, что для расчета убытков, согласно Методике, должна применяться рыночная стоимость недополученной в результате промышленного освоения продукции. Однако рыночную стоимость весьма сложно определить для многих видов продукции, поскольку родовые общины используют её для внутреннего потребления (*проблема рыночной стоимости*).

С другой стороны, для корректного применения Методики необходимо точно определять, какие именно территории закреплены за общинами малочисленных народов, иначе отсутствуют правовые основания для получения соответствующих компенсаций. При попытке определения точных границ обнаруживаются разнообразные трудности с оформлением общинами документов по ведению хозяйственной деятельности, бухгалтерской отчетности, с государственной регистрацией недвижимости (Слепцов, 2015: 23; Баишева, 2014-а: 93; 2016: 584) (*проблема подтверждения прав*). Пример: «...Крупнейшее хозяйство народов Севера Алданского района «Хатыстыр» из-за отсутствия правоустанавливающих документов на оленьи пастбища и охотничьи угодья отвечающим требованиям земельного законодательства не смогла получить компенсационные выплаты за отчуждения части оленьих пастбищ по промышленное освоение» (Власов, 2013). Вторая проблема – закрепление участков и документы об этом закреплении (Шадрин, 2015). Проблема заключается в том, что проведение кадастровых работ, уточнение границ общины обходится на уровне 200-300 тысяч рублей (Баишева, 2014-а: 93), что составляет большую часть годового дохода общины, ведущей традиционный образ жизни (Сосин, 2015: 72), т.е. совершенно неподъемно (*проблема кадастровых работ*).

Здесь же можно упомянуть следующий нюанс, на который обращает внимание Е.И. Бурцева (2015: 187). Земли традиционного природопользования обычно относятся к лесному фонду (80% территории РС(Я) – лесной фонд). Однако согласно действующему законодательству, за изъятие земель лесного фонда предприятия должны заплатить арендную плату (Лесной кодекс, ст. 94), которая перечисляется в федеральный бюджет (Лесной кодекс, ст. 8: «Лесные участки в составе земель лесного фонда находятся в федеральной собственности») (*проблема федеральной собственности*).

Проблема ЭЭ в целом состоит в отсутствии разработанных критериев, по которым необходимо оценивать воздействие промышленных проектов на традиционный образ жизни народов Севера (Слепцов, 2015: 23). Соответственно, не определены параметры, характеризующие состояние некоторой группы, которые должны быть нормативно закреплены в законодательстве и использоваться в дальнейшем при оценке – в том числе параметры «этносоциальной и культурной ситуации» (Шадрин, 2014: 337) (*проблема параметров образа жизни*).

Также следует сказать, что не только ущерб обсуждается в академических текстах. Описывая экспертизу материалов и документации по оценке влияния на этнологическую среду строительства Канкунской гидро-электростанции на реке Тимптон, А.Н. Слепцов приводит следующий эпизод в работе экспертной группы:

«Эксперты высказали общее мнение о том, что специалистами, оценившими воздействие на этнологическую среду (ОВЭС), не представлены заключения о влиянии изменений исконной среды обитания малочисленных народов и социально-культурной ситуации на развитие этноса, не дан общий прогноз развития этнодемографической, этносоциальной и этнокультурной ситуации при реализации проекта, отсутствует оценка возможных изменений и нарушений в традиционном образе жизни коренного и местного населения» (2013: 74).

Другими словами, специалисты, готовившие ОВЭС, по какой-то причине не охарактеризовали влияние реализации проекта на «развитие этноса» и не спрогнозировали сценарии развития образа жизни затрагиваемых проектом групп, на что и указали эксперты (*проблема усеченной ОВЭС*). Материалы были отправлены на доработку, и в итоге получили положительное заключение (Там же).

Результаты ОВЭС не публикуются¹⁴. Между тем, ситуация ОВЭС внутри экспертизы, кажется, является ситуацией наиболее полного участия КМНС в

¹⁴ Единственное исключение составляет текст и материалы ОВЭС по одной из экспертиз, которые можно найти на сайте предыдущего уполномоченного органа по ЭЭ (см. «Этнологическая экспертиза в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов»,

процедуре – поскольку на всех других этапах экспертизы участие непосредственных представителей локальных групп КМНС, как уже обсуждалось выше, никак не оговорено и не предполагается. Соответственно, текст ОВЭС – наиболее полное учитываемое в процедуре отражение этого участия. Впрочем, исследователи, проводившие ОВЭС иногда публикуют некоторые полученные результаты. Из таблицы проведенных экспертиз (Приложение №2) очевидно, что до сих пор всего три исполнителя проводили ОВЭС. В статье участников одной из этих команд приводится последовательность этапов исследования (Гассий и др., 2016: 92).

Исполнители в лице «Межрегионального центра экологического аудита и консалтинга» проводили работу на территории муниципального района «Оленекский эвенкийский национальный район» по заказу АО «Алмазы Анабара». Исследование проводилось следующим образом. На первом этапе проводился общий сбор информации, проходили встречи экспертов с представителями профильных министерств и ведомств РС(Я) (Министерства охраны природы, Государственного комитета по делам Арктики, Министерства сельского хозяйства и продовольственной политики, Департамента по делам народов Республики, Министерства здравоохранения, Департамента охотничьего хозяйства, ОАО «Сахагинрозем»).

На следующем этапе проводились полевые работы, натурные исследования с выездом на объекты, социологические опросы населения по авторской методике, встречи экспертной группы с жителями национальных наслегов. «Оленеводы, охотники, а также представители родовых общин высказались за разумное промышленное освоение территории, но при условии бережного отношения к исконной земле предков» - отмечают авторы (Гассий и др., 2016: 92). На третьем этапе производилась оценка возможных убытков, которые могут понести пользователи земель и других природных ресурсов в местах традиционного

[Электронный ресурс] - <http://old.sakha.gov.ru/node/119623>, обращение 28.08.2016). Этот текст будет обсуждаться в следующей главе.

проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера, а также разрабатывались механизмы компенсации потерь и устойчивого развития территории.

Наиболее полевым и вовлекающим КМНС, очевидно, является второй этап. «Социологические исследования» проводились среди жителей поселка Жилинда в июле 2015 года и были сосредоточены на фиксации отношения местных жителей к деятельности добывающей компании (Гассий и др., 2016: 93-94). Из 167 опрошенных человек 48% имеют отношение к традиционным промыслам. Опрос содержал вопросы о приоритетных социально-экономических проблемах (варианты ответа: отсутствие рабочих мест, низкий доход населения, отсутствие дорог, отсутствие перспектив у молодежи), экологических проблемах (сокращение количества объектов традиционного промысла, обеспечение качественной питьевой водой, отсутствие системы сбора и переработки мусора, изменение климата), способах получения компенсации (подписание соглашения о трехстороннем партнерстве (недропользователь, органы государственного управления и коренные жители), создание компанией фонда для компенсации убытков, соглашение о партнерстве и компенсационные платежи), формах компенсации (единовременная денежная выплата; ежегодная денежная выплата в течение хозяйственной деятельности на лицензионном участке; благоустройство территории поселка; создание и содержание объектов сельскохозяйственного назначения – оленеводческих, рыбоперерабатывающих и др.; участие компании в комплексном развитии территории), возможных адресатах компенсации (каждому жителю, коренным общинам поселка, улусу в целом, всем перечисленным). Ответы по каждому вопросу представлены в процентном отношении. На основе полученных ответов сформированы рекомендации по возможности ведения добывающей деятельности и по способам и формам компенсации наносимого ущерба, приведенные в конце статьи.

К сожалению, в статье не охарактеризованы способы проведения опроса и составления выборки (если авторы стремились к репрезентативности, на что указывает количественное представление результатов), а также не приведены разъяснения, касающиеся того, почему одни варианты ответа были более популярны, нежели другие. Также остается открытым вопрос о том, как были сформированы именно такие варианты ответа, предшествовало ли данному опросу какое-либо пилотное качественное исследование. Таким образом, оценить, насколько проведенное авторами исследование представляет позицию групп КМНС кажется затруднительным. С другой стороны, кажется очевидным, что никакие представители КМНС не были вовлечены в исследование ни в какой иной роли, кроме как в роли объектов исследования.

Несколько лучше описано анкетирование в другом тексте (Романова, Алексеева, 2015-б: 362-363), но нигде не заявлено, отражает ли статья процедуру проведения ОВЭС.

Теперь, что касается процедуры ЭЭ в целом, можно выделить несколько способов понимания ее смысла. В одном случае акцент делается на оценке воздействия промышленного освоения на образ жизни и, соответственно, на разработке предложений по минимизации «социального и этнокультурного» ущерба в результате этого воздействия. При этом, как отмечают авторы, «[а]кцент на «этно» означает, что эксперт-этнолог берет на себя ответственность представления позиций, мотивов и настроений коренных жителей, учитывая, но не полагаясь на мнения представителей промышленных компаний, чьи интересы затрагиваются экспертизой» (Романова, Алексеева, 2015-а: 86-87). Другими словами, исследователь, проводящий ОВЭС должен выступить в качестве проводника-переводчика, доводящего мнения одной стороны (КМНС) до другой.

Другая позиция может быть представлена через следующую цитату:

«Государственная этнологическая экспертиза и оценка воздействия намечаемой хозяйственной и иной деятельности на этнологическую среду способствуют принятию

научно-обоснованного управленческого решения о реализации намечаемой хозяйственной и иной деятельности посредством расчета возможных неблагоприятных воздействий, оценки возможного ущерба самобытной культуре аборигенов Севера, учёта общественного мнения, разработки мер по уменьшению и предотвращению негативных воздействий» (Слепцов, 2013: 75).

Другими словами, ЭЭ хороша потому, что является надежным управленческим инструментом, который обеспечивает принятие обоснованных решений.

Наконец, некоторые авторы предлагают понимать ЭЭ не только как инструмент согласования интересов сторон, но и как способ для компании реализовать социальную ответственность (Потравный, Баглаева, 2015: 44). В таком случае, исполнение закона об ЭЭ может быть представлено как некоторая доблесть – компания выступает «в инициативном порядке» с проведением научного исследования и оценкой соответствующего ущерба. Подобной доблести компания вправе ждать и от других участников взаимодействия, например, государству не следует стремиться переложить на компанию социальную ответственность за развитие территории и населения (Гассий и др., 2016: 93), населению же следует быть осторожным с расчетом на получение компенсаций, поскольку это может вызвать иждивенческие настроения (Потравный и др., 2016: 57). Это весьма любопытная риторика на фоне распространенных рассуждений в модусе долженствования, которая характерна для рассматриваемого корпуса текстов¹⁵.

¹⁵ Ср., например: «За добывающими компаниями необходимо законодательно закрепить обязанность часть прибыли направлять на поддержание экологической стабильности и поддержку коренных малочисленных народов» (Астахова, 2011: 7). «Таким образом, компании-недропользователи должны иметь гибкую политику в отношении коренных малочисленных народов Севера, на территории которых реализуются промышленные проекты. Одним из принципов деятельности добывающих компаний должен быть принцип социальной корпоративной ответственности, а задачей – установление партнёрских отношений, стремление найти пути минимального воздействия промышленного освоения на коренные этносы» (Алексеева, 2014: 224). «Прогноз» должен и обязан иметь свою специальную политику в отношении коренного населения, иметь специальный документ содействия развитию КМНС» (Романова, Алексеева, 2015-б: 363).

Итак, в призме рассмотренной литературы ЭЭ предстает довольно сложным явлением со множеством нюансов и с разным истолкованием её смысла. Различные акторы по-разному видят, по-разному используют или пытаются использовать данный инструмент. Соответственно, выделяют различным образом достоинства и недостатки процедуры, по-разному оценивают ее возможности. При этом, несмотря на то, что различные тексты практически не ссылаются друг на друга и не ведут единый диалог, всё же они находятся в одном общем поле, иногда противоречат друг другу, иногда дополняют. К достоинствам процедуры относят обязательность, научность; к проблемам - промахи в этой научности и обязательность, которую можно избежать. К достоинствам – центрированность на ущербе, к проблемам – её же, и недостатки, невозможность в нынешней конфигурации процедуры учесть все виды ущерба. Однако ни одна статья не оспаривает, кажется, что развитие этнологической экспертизы – путь к диалогу¹⁶ (хотя не все делают акцент именно на этом). Так, в завершение данной главы я бы хотел привести следующую цитату:

«Проведенное исследование позволяет утверждать, что в результате проведения государственной этнологической экспертизы общественные отношения между промышленными компаниями и народами Севера переводятся в правовое поле с участием независимых экспертов в лице органов власти, общественных и научных институтов. А аборигены Севера становятся субъектами правоотношений - полноправными партнерами промышленных компаний» (Слепцов, 2013: 75).

Мне кажется, что приведенные два предложения противоречат друг другу. По крайней мере, они говорят о разных вещах. Партнерство не связано, или не очевидно как связано с правовым полем и участием государственной власти. Прежде чем далее разворачивать эту мысль, спустимся еще на один уровень подробности ниже.

¹⁶ Ср. например: «...в целях организации конструктивного диалога между аборигенами и представителями промышленных компаний, как один из механизмов организации такого диалога, предлагает принятие федерального закона «Об этнологической экспертизе»» (Власов, 2013).

3. Полевые материалы

Задача данной главы – еще больше погрузиться в мир мнений и реально происходящих процессов, увидеть как здесь проговаривается опыт участия в экспертизах и опосредованных ею отношениях. Особенности полевых материалов кратко описаны во Введении. Поскольку ЭЭ – бюрократическая процедура, её описание не может пройти также мимо тех отчетов, договоров и заключений, которые в некотором смысле и составляют её суть. Соответственно, глава будет построена как описание мнений и историй по поводу ЭЭ от разных типов акторов и описаний соответствующих их деятельности документов.

Рассмотрение будет построено по этапам этнологической экспертизы – от разработки ОВЭС (оценка воздействия на этнологическую среду) до принятия заключения экспертной комиссии этнологической экспертизы.

Как уже говорилось выше, ОВЭС – раздел проектной документации, подготовка которого является задачей компании. В связи с этим, один из вопросов, который проговаривался в процессе полевого исследования как проблемный – это вопрос о том, когда именно компания должна проводить ОВЭС. Коллизия, которую предложил обдумать в разговоре эксперт состоит в том, что, поскольку лицензия выдается через аукцион, т.е. есть шанс, что заказчик не выиграет, а ОВЭС является достаточно дорогой и долгой процедурой, то проводить его заранее, до аукциона, и, соответственно, покупки лицензии, для компании не имеет смысла. Если же ОВЭС проводится после того как компания выиграла аукцион и купила лицензию, то как ей теперь быть, если, к примеру, ОВЭС покажет, что нельзя реализовывать задуманную деятельность? Возвращать лицензию (ПМА, 2016)? Следовательно, пока ответ на указанный вопрос не получен, вероятность появления отрицательного ОВЭС стремится к нулю. Это оборачивается тем, что компания стремится выполнять ОВЭС как только формальную процедуру, т.е. ориентируется скорее на соблюдение правил, нежели на решение содержательных вопросов (*проблема купленной лицензии*).

Так или иначе, сейчас механизм запуска экспертизы, точнее первого её содержательного (но не первого формального) этапа заключается в том, что, получив лицензию, добросовестная компания должна сделать запрос (кому именно – не совсем очевидно, вероятно – органам муниципальной власти, органам исполнительной власти региона) о том, не являются ли данные территории территориями проживания или традиционной хозяйственной деятельности КМНС. Если являются – провести ОВЭС. При этом, по словам эксперта, в действительности, чаще всего тема ОВЭС всплывает на общественных слушаниях в рамках ОВОС (оценки воздействия на окружающую среду). В лицензии прописано, что компания должна провести ОВОС, результаты которой, в том числе, представить на общественные слушания. На последних кто-то из населения может вспомнить про этнологическую экспертизу и потребовать у компании её проведения (ПМА, 2016).

Далее, поскольку компания свободна в способе выполнения ОВЭС, высказываются опасения о возможной необъективности результатов вследствие зависимости исполнителей оценки от его заказчика (ПМА, 2016: глава района; эксперт) (*проблема зависимого исследователя*). Во всех состоявшихся экспертизах написание ОВЭС поручалось внешним относительно компании специалистам. Это действие сопровождается составлением технического задания (ТЗ) и договора об указании услуг. Важно то, что по условиям договора исполнитель обязан следовать пунктам ТЗ, иначе его работа не будет принята и оплачена – таковы условия функционирования деловой, корпоративной бюрократии. Одним из любопытных и показательных следствий такого положения дел являются случаи усеченных заданий. Один из исполнителей ОВЭС описал ситуацию, когда согласно ТЗ необходимо было только рассчитать наносимый традиционному хозяйствованию ущерб, при этом не упоминались все другие разделы, необходимые для прохождения этнологической экспертизы. Исполнитель уточнил, точно ли это всё, что требуется и в итоге выполнил задание. В таком усеченном виде документация была направлена на экспертизу

(проблема усеченного ТЗ) и исполнитель ОВЭС оказался в несколько странном положении, когда его работу критиковали за недостаточность, которая не от него зависела. Данная проблема близка по смыслу *проблеме собственника исследования*. Текст исследования принадлежит заказчику, исполнитель не имеет над ним непосредственной власти: «В нынешней ситуации я даже не знаю, в каком виде ...*(компания)*... этот мой отчет подаст на ЭЭ – это же их собственность, как заказчиков, они могут делать с ней все, что хотят» (ПМА, 2016).

Чем более компания крупная и чем более разработанной социальной политики придерживается (другими совами, чем больший штат сотрудников занимается ею в компании), тем внимательнее она подходит к вопросу о ТЗ. Следует, однако, иметь в виду, что задача компании – получить прибыль от выполнения своей деятельности, соответственно, прохождение экспертизы, социальная политика важны не сами по себе, а постольку, поскольку они создают компании положительный имидж (ср. Stammer, Ivanova, 2016: 1227). Соответственно, цель прохождения экспертизы – получить положительное заключение. В этом ключе любопытно одно из требований в конкурсной документации к исполнителям: «положительный опыт прохождения этнологической экспертизы проектной документации, разработанной Исполнителем» - своего рода более вежливая и производная форма требования получить положительное заключения как таковое (работа считается выполненной, когда получено положительное заключение), о котором в качестве анекдотичного случая рассказывают исследователи (ПМА, 2016).

Из имеющихся в моем распоряжении документов, я опишу наиболее внимательно составленный и подробный вариант технического задания. Поскольку исполнитель обязан строго соблюдать пункты ТЗ, интересна регламентация содержания. Согласно имеющемуся у меня ТЗ, работа должна была состоять из четырех разделов: «Оценка традиционного природопользования территории», «Этнокультурная, социально-экономическая

и медико-демографическая характеристика территории», «Воздействие на объекты археологического наследия», «Воздействие ...(*проекта*)... на исконную среду обитания и традиционный образ жизни коренных малочисленных народов Севера и мероприятия по минимизации такого воздействия». К каждому разделу даны более или менее подробные комментарии, поясняющие, каким должно быть его содержание, или на что необходимо обратить особое внимание.

Так, во втором разделе, помимо стандартных статистических данных о численности и размещении коренных малочисленных народов, социальной структуре, занятости и образовании населения, медицинском обслуживании и уровне заболеваемости, уровне и качестве жизни населения, согласно ТЗ должны быть также приведены:

«...показатели этнологического мониторинга (языковая ситуация, структура питания (доля этнической пищи)), функционирование родного языка (наличие литературы, СМИ, географических и административных названий на этнических языках, использование этнической символики в городской среде, в оформлении административных зданий). Показатели функционирования этнической культуры (наличие этнокультурных центров, музеев, фольклорных ансамблей, сувенирных мастерских, обеспечение права на традиционные промыслы и фольклор).»

В третьем разделе специально указано требование провести работу с местным населением на предмет выявления памятников этнической культуры (святилища, памятные места, места погребений и иные), а также рассмотреть мероприятия по сохранению объектов этнокультурного наследия эвенков и выполнить расчет их стоимости. При этом в составе исходных данных, предоставляемых заказчиком был упомянут отчет «Археологическое обследование территории ...(*реализации проекта*)... в ... районе Республики Саха (Якутия)».

Наиболее подробно указано содержание четвертого раздела, который должен включать в себя такие подразделы как:

- оценка воздействия;

- мероприятия по снижению негативных воздействий на социальные условия проживания и здоровье коренных малочисленных народов Севера, в том числе прогноз развития этнодемографической, этносоциальной и этнокультурной ситуации (с учетом ее исходных данных) при реализации ...(*проекта*)...;
- мероприятия по адаптации коренных народов к изменениям, возникающим в ходе реализации ...(*проекта*)...;
- заключение о негативном воздействии проекта на отдельные стороны жизнедеятельности ...(*коренных народов*)... в этнополитическом плане, в эколого-экономическом, в социально-демографическом и социально-культурном планах;
- расчет размера убытков, причиненных объединениям коренных малочисленных народов. Определение нормативных показателей (*далее перечислены показатели согласно Методике - АБ*);
- график выплаты компенсационных платежей за убытки в случае единовременной и ежегодной выплаты. (ПМА, ТЗ)

На выполнение этой работы отводилось три с половиной месяца – один месяц на полевую часть, два с половиной на обработку данных и написание отчета (ПМА, ТЗ). Указанные требования к разделам свидетельствует о вполне серьезном подходе авторов ТЗ, о стремлении учесть различные нюансы, и в целом – о благонамеренности и добропорядочности составителей. В этом же ключе любопытно следующее дополнительное условие к исполнителю: «Участие в общественных обсуждениях с населением ...(*населенного пункта*)... и общественности проекта ОВЭС (выезд в командировку)» - по-видимому, не частая практика (см. далее обсуждение заседания экспертной комиссии). В рамках всего ТЗ, общественные слушания ближе всего подходят к тому, что можно было бы назвать диалогом, все остальные требования к содержанию работ и способам их проведения скорее воспроизводят способ отношения к исследуемым группам как к объектам исследования, о которых необходимо получить достоверную объективную информацию, отражающую «реальное» положение дел. Особенно характерны в этом ключе следующие условия, которые ставились к ходу работ:

«Совместно с Комитетом по земельным и имущественным отношениям ...(*района*)... получить правоустанавливающие документы, в том числе координаты и площади

территорий отведенных для КРО [*кочевые родовые общины - АБ*]. ... Запросить в пунктах заготовительных контор (ГУП ФАКП «...» и др.) официальные сведения о цене на прием продукции традиционного промысла за последние 2-3 года. ... В КРО получить официальные сведения о количестве продукции традиционного промысла, потребляемой на собственные нужды ее членов» (ПМА, ТЗ).

Любопытен характерный акцент на необходимости документированных, подтвержденных, официальных сведений – особенно на фоне описанных выше проблем, возникающих у КМНС именно с документацией своего положения и своей деятельности.

Во всех случаях, о которых говорилось в поле, закупка услуг исполнителя ОВЭС согласно ТЗ осуществлялась через аукцион. По условиям законодательства, аукцион выигрывает тот, кто предложит меньшую цену. В связи с этим, исполнители разрабатывают различные стратегии, например, рассчитывают сразу три варианта проведения исследования – «оптимистичный, базовый, экономичный» (ПМА, 2016: исполнитель ОВЭС). Однако между количеством запрашиваемых средств и возможностями провести качественное полевое исследование существует прямая зависимость. Соответственно, чем меньшую сумму берет исполнитель, тем больше вероятность того, что исследование будет скорее основано на статистических данных и открытых источниках, чем на серьезных полевых исследованиях. Впрочем, поскольку основные затраты в полевом исследовании связаны с организацией логистики, в некоторых случаях компания все транспортные расходы готова взять на себя, при этом используются регулярные служебные рейсы (ПМА, 2016).

Ход полевого исследования частично описан в предыдущей главе. Здесь будет добавлено несколько деталей на основании интервью с различными исполнителями ОВЭС. В ходе интервью исследователи отмечали крайнюю желательность наличия в группе исполнителей по крайней мере одного, сотрудника, так или иначе связанного с затронутыми группами КМНС. В

условиях обычной срочности проведения ОВЭС, это крайне важно для полевого этапа (ПМА, 2016).

В рамках одного из исследований, рабочая группа исполнителей действовала следующим образом. Была разработана анкета, сделана выборка по категориям, в выборку попало 148 респондентов (общее население – около 700 человек), исследование проводилось в течение 10 дней. Срочность работы и связанные с ней издержки прекрасно охарактеризовал один из собеседников: «Тут еще, Вы поймите, это всегда форсмажор. Поэтому немножко сыровата анкета оказалась» (ПМА, 2016).

После проведения анкетирования было проведено интервьюирование выбранных респондентов (около 50 интервью). Вопросы касались отношения к проекту, ожиданий/пожеланий, связанных с промышленной деятельностью и предполагаемыми компенсациями:

- Как Вы строили интервью, какие темы?

- Спрашивали их отношение к проекту. Потом надо было на карте фиксировать священные места, где захоронения, старые стоянки. И еще, что бы они хотели от этого проекта. Главное – чтобы трудоустроили. Второе, чтобы была компенсация для оленеводов. Третье – чтобы в год, хотя бы одного-двух выпускников, чтобы им оплачивали учебу на горных специальностях. И еще про онкологические заболевания (*речь идет об обеспокоенности местных жителей ростом количества онкологических заболеваний, который они связывают с деятельностью промышленного предприятия - АБ*).

- А про отношение к ...(*компани*)... что говорят?

- В прошлом году отношение было нормальное. Большинство говорили, что проект нужен, чтобы поселок развивался. Ждали дорог, трудоустройства, что наши будут учиться. А потом весной – вот поняла, что отношение совсем изменилось, потому что обещания не сдержали. Люди разочаровались (ПМА, 2016: исполнитель ОВЭС).

Показательным является набор ожиданий – стандартный, который соответствует обычному содержанию Соглашений о сотрудничестве: «принять на работу, научить-обучить, помочь при финансировании объектов» (ПМА, 2016: представитель компании).

Любопытный комментарий, касающийся ожиданий от этнологической экспертизы, был получен от одного из исполнителей ОВЭС:

«Сейчас общины начали получать деньги – и бросаются в другую крайность, стараются только деньги получить, а все остальное не интересует. А ведь ЭЭ о другом – не столько о выплатах, сколько о рассмотрении альтернатив, минимизации ущерба, только потом о компенсациях. ... Пример из работы по ...(*проекту*).... Мнение населения, какие меры предприятие может оказать для компенсации и вообще: оплатить учебу детям, заплатить за изъятие земли, дать рабочие места, дорогу содержать. Я им говорю: ну, все это – только поможет добить ваш образ жизни – дети уедут, люди станут работать на предприятии. А суть мероприятий – восполнить ущерб оленеводству. Чтобы оно дальше жило» (ПМА, 2016).

Любопытной в данном случае является не только точка зрения исследователя, но и его взаимодействие с исследуемым населением. Это взаимодействие, очевидно, не ограничивается исследованием и фиксацией того, что «на самом деле» думают и чего ожидают общины, а переходит скорее к производству этого «на самом деле». Исследователь включается в процесс производства ожиданий и понимания собственного положения и собственных интересов. При этом его точка зрения является «одной из» - может быть оспорена, отвергнута или принята. В рамках работы над конкретным разделом ОВЭС, касающимся рекомендаций, исследователь вступает в диалог с членами исследуемого сообщества. Можно было бы сказать, что такого рода диалоги – одно из достоинств процедуры ЭЭ, которая своим существованием дает им повод случиться, дает повод представителям компании (формально, исполнитель ОВЭС является в момент выполнения ТЗ частью компании) вступить в диалог с членами сообществ КМНС. С другой стороны, если кто-то пожелает не согласиться с тем, что данный диалог действительно является равноправным диалогом между КМНС и компанией, а скорее обусловлен личной позицией конкретного исследователя и не имеет непосредственного, или, во всяком случае, очевидного отношения ни к требованиям компании относительно ОВЭС, ни к тому как в итоге будет выстроено дальнейшее взаимодействие компании и конкретного сообщества – в таком случае сложно сказать, как можно было бы

возразить. В самом деле, о других подобных диалогах мне в ходе полевого исследования слышать не доводилось, а о проблеме «доведения» результатов исследования до сотрудников компании будет сказано далее.

В другом случае, дополнительно к «этнокультурной» части обсуждалась экономическая. В частности, время полевого исследования (в случае обсуждаемой ОВЭС – три недели) было разделено между опросами и участием в «сходах» жителей, которые устраивали исследователи, и просмотром местностей для зонирования и актуализации карт с помощью вертолета. Всю логистику взяла на себя компания, она же обеспечивала необходимые исследователям контакты: «...прикрепляется сопровождающий от компании, который помогает с материалами, логистикой, языком (многие не говорят на русском), с пропусками – поскольку много режимных объектов» (ПМА, 2017).

В ходе полевой части исследователи сталкиваются с теми же проблемами, что уже упоминались в предыдущей главе. В первую очередь – это трудность в точной фиксации границ земель, изъятие которых связано с компенсацией (*проблема документов КМНС*), поскольку компании требуют все правоустанавливающие документы хозяйств, которые часто могут отсутствовать. Кроме отсутствия документов существует следующая коллизия со статусом: многие общины имеют права на землю как производственные кооперативы, поскольку регистрировались до законодательного закрепления в Гражданском кодексе такой формы организации как родовая община. Когда же появилась последняя, оказалось, что в связи с особенностями Земельного кодекса, переоформить документы на землю без процедуры выставления участка на аукцион и внесения арендной платы невозможно. Данная коллизия беспокоит исследователей: «Пока [компании – АБ] с этим идут на встречу, но могут и не засчитывать производственные кооперативы как организации КМНС» (ПМА, 2016). Кроме того, некоторые компании требуют также документального подтверждения данных о добыче и потреблении продуктов традиционного природопользования (что было именно столько соболей добыто, рыбы поймано,

дикоросов собрано и т.п.) Для оптимизации процесса сбора данных некоторые группы исследователей разработали специальные формы сбора информации, в которых помимо граф для названия продукции, количества, была предусмотрена графа для подписи и печати глав общин (ПМА, 2016).

Продолжая тему взаимодействия сторон в ходе полевого исследования, многие исследователи с профильным этнологическим образованием (следует иметь в виду, что исполнение ОВЭС – междисциплинарная задача, которая требует как экономико-географических знаний в части расчета ущерба, так и антропологических или социологических в части оценки воздействия, соответственно, реальные коллективы, исполняющие ОВЭС должны либо сочетать в себе указанные компетенции, либо каким-то образом их восполнять) ощущают своей задачей в ходе ОВЭС устраивать диалог, быть переводчиками между двумя сторонами: «...нас часто воспринимают не как наемных работников компании, а как третьих лиц, которые посередине, между компанией и жителями» (ПМА, 2016: исполнитель ОВЭС). Для этого необходимо показать природопользователю, что территория уже наполнена смыслами, и что это надо уважать: «...везде говорим об ответственности заказчиков, пишем в отчете так много о культуре и мифах – хотим, чтобы они просто знали о том месте, где они работают. Чтобы они понимали. Иначе они же просто не знают. Они спрашивают, почему они просто не уйдут в другое место (смеются) – и надо им объяснять» (ПМА, 2016: исполнитель ОВЭС).

Таким образом, интересен вопрос о том, как именно происходит взаимодействие представителей компании и исполнителей ОВЭС по поводу результатов проведенной работы. Чаще всего в ходе интервью исполнители ОВЭС отвечали, что не знают, кто и как в компании читает их отчет. В некоторых случаях сообщали, что «в ...*(компании)*... целый департамент, и они подробно выспрашивали, особенно про правоустанавливающие документы» (ПМА, 2016: исполнитель ОВЭС). В других случаях упоминались совещания с

представителями компании, на которых обсуждались отдельные результаты исследования: «...уже по возвращении нас директор ...(компания)... позвал, хотел узнать наши ощущения относительно села, можно ли там работать. Мы сказали, что население не против, но надо больше контактировать с ним. Его больше, как я понял, интересовали частные вопросы – условно, в прошлом году приехали три дембеля, повлияли ли они на криминогенную обстановку в селе? Я о таком даже не задумывался» (ПМА, 2016: исполнитель ОВЭС). Любопытно, что направленность интереса представителя компании в данном случае связана скорее с рисками ведения деятельности на определенной территории, чем с попытками понять положение того сообщества, с которым предстоит работать.

По-видимому, основным источником информации о сообществах коренных народов для компании является текст ОВЭС. С тем, чтобы ознакомиться с примером такого текста во время полевой части моего исследования возникли некоторые трудности. Основным мотивом собеседников для отказа в таком ознакомлении были права собственности компании (при этом в самой компании у моего собеседника не оказалось отчета под рукой). Подобное отсутствие опубликованных отчетов по ОВЭС, кажется, в значительной степени тормозит совершенствование текстов отчетов, поскольку исследователи, работающие над следующими проектами вынуждены начинать с чистого листа (если ранее они не были вовлечены в другие экспертизы). Впрочем, существует одно исключение: материалы ОВЭС по одной из экспертиз были выложены на сайте правительства РС(Я) и служили образцами, на которые ориентировались по крайней мере некоторые исследователи: «...ряд отчетов об Алданском и Олёкминском районах пару лет назад. Посмотрел, как они описывают, и попытался сделать так же. Чтоб была общая структура. Вот я посмотрел, они делали много таблиц (*речь о разделах по демографии, социальному и экономическому положению КМНС*), я тоже решил много таблиц сделать, больше цифр, как можно нагляднее» (ПМА, 2016: исполнитель ОВЭС).

Текст ОВЭС, размещенный на сайте предыдущего уполномоченного на проведение ЭЭ органа в точности соответствует по структуре требованиям Постановления, описанным в первой главе. Интересно, в первую очередь, как авторы отчета истолковали, что должно быть помещено в каждом разделе. При этом внимание будет направлено на то, что может в данном отчете быть истолковано как знак или место разворачивания ожидаемого от ЭЭ диалога между КМНС и компанией.

Во введении сообщаются основания для выполнения отчета (договор между исполнителем и заказчиком) и официальные требования к отчету, которые предъявляются в законодательства, в том числе соответствующие определения и необходимые разделы. Помимо этого, во введении дан комментарий по поводу Методики: отмечено, что последняя «предназначена для оценки размера убытков в результате воздействия на окружающую природную среду и хозяйственную деятельность, но не предназначена в качестве инструмента оценки социальных и культурных последствий промышленного освоения на коренное население в зоне воздействия проекта», но также утверждается, что представленная работа направлена на комплексную оценку воздействия (ОВЭС, 2013: 4). С одной стороны, это интригует – интересно, каким образом будет осуществлена оценка воздействия на социальную и культурную «среду». Однако с другой стороны, кажется, что амбиции отчета ограничены именно оценкой воздействия и при этом сугубо в тех рамках, которые заданы законодательством. Еще более в этом убеждает подраздел 1.1 первого раздела под названием «Нормативно-правовая база». Содержание данного подраздела совершенно не описывает «Общие сведения о проекте намечаемой хозяйственной деятельности» (название первого раздела), поскольку состоит из перечисления НПА, на которые ориентируется автор отчета, а также перечня проанализированной проектной документации, законодательных норм и методической литературы, использованных при подготовке отчета. На этом основании мне и кажется более уместным воспринимать его как часть введения. В этом разделе меня удивило отсутствие

упоминаний о проведенных авторами полевых исследованиях или собранных в процессе таковых материалов. Такого упоминания следовало ожидать, поскольку дальше в тексте имеются упоминания проведенных опросов, размещено большое количество фотографий, составлены подробные карты территорий родовых общин, что свидетельствует о том, что какие-то полевые исследования проводились. Но ни во введении, ни где бы то ни было еще в тексте отчета не описано как именно и когда они проводились, как и почему были сделаны те выводы, которые были сделаны.

Мне кажется важным отмечать отсутствие подобных упоминаний, поскольку именно они могли бы свидетельствовать о качестве проведенных исследований, о каком-либо обосновании претензии на представление точки зрения КМНС. При этом, на мой взгляд, важно не столько то, что в отсутствие указанных разъяснений нет оснований доверять исследователям, сколько то, что исследователи не считают важным убедить читателя, что исследование проведено корректно, что точка зрения КМНС представлена адекватно. Судя по введению, исследователям кажется более важным убедить читателя, что учтены все относящиеся к делу нормативно-правовые акты, и исследование в точности соответствует имеющимся в них требованиям.

В разделе, касающемся «этнокультурного и социально-экономического развития малочисленных народов» сначала приводится обширная статистика по положению КМНС в Якутии вообще, потом по затрагиваемым в проекте районам вообще. Интересно при этом, что если в случае с описаниями экономической части авторы делают какие-то выводы, например, рост безработицы связывается с ростом значимости традиционных видов занятости (Отчет, 2013: 25-26), то из данных об образовании, владении языком, здравоохранении никаких выводов не делается.

Раздел, характеризующий виды традиционной хозяйственной деятельности КМНС (наиболее объемный в отчете) также построен по принципу «от общего - к частному»: при описании каждого вида промысла сначала дается

статистическая информация о его состоянии в Якутии вообще, затем в конкретном районе. После всех описаний автор отчета описывает положение каждой отдельной родовой общины, затронутой осуществлением проекта. К описанию каждой общины применена одинаковая схема, так что сначала упоминается имя главы общины, затем указываются правоустанавливающие документы и лицензии, виды традиционной деятельности, в которые вовлечена община, количество членов общины, приводится карта её территории, к какому «хозяйственному центру» (поселению) она привязана, приводятся фотографии членов общины во время осуществления традиционной деятельности, перечисляется имеющаяся в распоряжении общины производственная техника (лодка, снегоход, мотоцикл), после чего приводятся количественные характеристики по каждому виду традиционного природопользования, в который вовлечена община: оленеводство (сколько оленей, как реализуется, схема угодий), охотпромысел, рыбалка, сбор ягод.

Из повторяющейся схемы «от общего к частному», большого количества приводимой авторами статистики, количественного описания состояния общин мы, как кажется, узнаем некоторые устойчивые, объективные вещи о состоянии живущих в местах реализации проекта людей, однако, авторы ничего не сообщают нам о том, что значит быть охотником в общине «Киндигирь». Любопытно, что и фотографии, которые дают довольно сильное ощущение присутствия вписаны в текст не в этой роли, а скорее в виде иллюстраций к тому, что представители общины действительно занимаются тем, чем заявляют (пример подписи к фотографии, на которой запечатлены улыбающиеся дети позади большого количества собранных ягод: «Рисунок 4.4.17 Сбор дикоросов общиной «Сэргэлээх» (Отчет, 2013: 49).

Что касается приверженности авторов доклада количественным показателям, любопытным примером таковой является приведенная в разделе «Разработка рекомендаций и предложений в соответствии с требованиями действующего законодательства» таблица оценки воздействия реализации проекта на

этнологическую среду, итоговая цифра которой показывает, что «в результате строительства двух ЛЭП 220 кВ НПС-15 - НПС-16 ожидается ухудшение этнологической среды на 10%» (Отчет, 2013: 65). Что именно скрывается за десятью процентами ущерба, и как авторы переводят в сравнимые единицы влияние на демографию, культуру, собирательство и рынков сбыта продукции, к сожалению, не объясняется.

Как упоминалось выше, прежде чем он будет подан на этнологическую экспертизу, компания может обсудить отчет по ОВЭС на общественных слушаниях. При проведении последних, за месяц до слушаний сообществу должен быть открыт доступ к материалам, по которым готовятся вопросы и предложения, затем приезжает заказчик, приходят жители, регистрируются, вносят предложения и замечания, которые фиксируются в соответствующем журнале, завершается всё голосованием по вопросам повестки.

При этом существуют определенные нюансы: «Постоянно объясняем, какой должен быть регламент. Что вопросы или замечания должны быть зафиксированы. Надо с паспортом приходить. Подпись поставить в явочном листе. За всем этим надо следить. Потому что, если не следить – мнение могут не засчитать. В журнале надо писать свои соображения. Не просто «я против», а аргументировать. ... Еще надо читать документацию. Все тома. Уметь это делать. У каждой общины есть какой-то выход на ученых – или выходцы, или через нас. Надо проявлять активность» (ПМА, 2016: представитель ассоциации КМНС в РС(Я)) Другими словами, участие в общественных слушаниях такое, которое может оказать какое-либо воздействие на дальнейшие управленческие решения требует определенной бюрократической культуры.

Далее я приведу довольно большой фрагмент из рассказа о проведении конкретных общественных слушаний, на которых в том числе был представлен раздел отчета ОВЭС.

«Открыл слушания местный гендиректор, ...(имя)..., и дал слово московскому представителю. Тот стал рассказывать про всякое, но население прервало, спросило

конкретно: как будут взаимодействовать с местным населением? Например, вот пообещали трудоустроить молодых, а до сих пор еще не трудоустроили. Из-за этого администрация очень враждебно была настроена на третьих слушаниях. ...

Второй момент: ...(*компания*)... улусу каждый год выделяет какие-то деньги – какая сумма доходит до самого наслега? Не смогли ответить тоже. И глава улуса не ответил.

Третий момент: на месте разработки находится территория 5 стада. Что будете с этим делать. ...(*компания*)... говорит, что там пастбища нет – они отправляли вопрос в ГУП (...), им ответили, что там нет ничего. Народ возмутился, была тоже конфликтная ситуация. ...

Четвертый вопрос – возмущение о шоферах, которые прямо посреди поселка проезжают очень громко, и мусорят. Попросили сделать дорогу в объезд поселка.

Пятый вопрос – в качестве компенсации могут ли помочь в финансировании строительства спорткомплекса. Пообещали поставить окна, двери, батареи. ...

(АС: кто составлял повестку заседания?) ...(*компания*).... Предварительно встретились, составили план, согласовали его с главой администрации наслега. На основе этого проекта пошли слушания. ... (АС: за что голосовали?) Принять повестку дня. Разрешить деятельность ...(*компания*).... Население сказали, что при условии учета требований. Проголосовали «да». ...

По экспертизе я выступила. Вкратце сказала, что мы провели этноэкспертизу, и в своем отчете какие, как мы считаем, меры могут быть предприняты, как ...(*компания*)... может компенсировать. И какая ситуация может быть впредь, какие угрозы. (АС: как люди реагировали?) Они согласились, что я все сказала про риски и компенсации. ...(*компания*)... молчала, а в конце моего выступления гендиректор мне сказал, что у него возникли вопросы по компенсации. Сказал, что потом меня пригласит. Но больше никакой связи с ним не было» (ПМА, 2016: исполнитель ОВЭС).

В нем интересны, во-первых, темы, которые беспокоят жителей в связи с деятельностью компании – некий стандартный набор мер и проблем с которым привычно работать компании и который привычно проговаривать сообществу; во-вторых, фокус слушаний – основной вопрос касался того, разрешить или нет деятельность компании, отчет по ОВЭС был лишь одной из побочных тем; в-третьих, большое количество лакун в общении сторон («не смогли ответить», «говорят, что там пастбища нет ... народ возмутился», вопросы по компенсации у гендиректора, «больше никакой связи с ним не было»). Общественные

слушания – разовое (впрочем, в некоторых случаях проводятся несколько раз) событие. Чтобы оно могло быть событием диалога, этому должна предшествовать, очевидно, некоторая история диалоговых отношений на предварительных этапах. Подготовка ОВЭС, как кажется, не обеспечивает такой истории для вовлеченных сторон.

После того, как проектная документация подается на этнологическую экспертизу, начинается работа экспертной группы. Кажется, основное напряжение, проговариваемое участниками этой работы – это некоторая ощущаемая беспомощность экспертов перед лицом недостатков в отчетах: «даже если я эксперт, и скажу, что, хотя все пункты есть, но чего-то недостаточно... *(это не пройдет - АС)*. Вот пример с ...*(компанией)*... – я говорил, что медико-демографическая характеристика населения отсутствует, есть просто описание мед. учреждений; просил дать независимую экспертизу о безопасности (...) – у них было только заключение структуры самой ...*(компании)*.... Замечания такого рода отражаются пока как замечания при положительном заключении – дальше компания может их принять, а может и не принять (ПМА, 2016: эксперт). В случае замечаний, касающихся расчетов убытков: «Мы не можем заставить пересчитать, поэтому мы говорим, что надо провести мониторинг – через какое-то время – с учетом реального ущерба – это всем выгодно, к тому же развита экологическая инициатива, общество следит» (ПМА, 2016: эксперт). В чем причина беспомощности? Возможно – в некоторой установке организаторов экспертизы на поддержку по отношению к промышленным компаниям, которая связана как с атрибутируемой промышленности ценности (см. Миськова, 2016), так и с относительно локальным, региональным политическим статусом экспертизы и теми стратегиями, которые она применяет для политического выживания (хотя в рамках работы данный аспект не рассматривается, всё же, вслед за А. Гуптой (2012) следует не смешивать разные уровни, ветви, департаменты и отдельные лица с различными политическими и

административными амбициями, целями и интересами в один ком «Государства». Кроме того, любопытный аспект во взаимоотношении экспертов и компаний открывает следующий комментарий одного из экспертов: «...много замечаний, но пошли навстречу, потому что знаем ...(компанию)... (имеется в виду, что эта компания известна своими социально ориентированными программа и хорошим имиджем)» (ПМА, 2016: эксперт).

Экспертная группа вырабатывает заключение, которое является основным источником информации для большинства членов комиссии. Соответственно, заключение как описывает проектную документацию (не только ОВЭС, но все разделы, поданные на экспертизу), так и оценивает ее. Содержание данного текста не регламентировано.

Наиболее сильное впечатление при чтении заключения экспертной группы производит контраст между весьма суровой критикой поданных на экспертизу материалов (некорректный радиус воздействия; заниженная стоимость оленя; заниженные убытки по охоте; опора на литературные источники и аналогии, а не по собранным на местах сведениям в оценке рыболовства; недостаточно представлены социально-экономические обязательства компании) и итоговым положительным заключением. При этом решение всех названных проблем оставлено на период этномониторинга.

Одно из объяснений таких решений может быть построено как своеобразное отражение того способа, каким обосновывалось преимущество процедуры государственной ЭЭ в предыдущей главе. Названное преимущество заключается в том, что при применении ЭЭ сообщества КМНС гарантированно получают относительно большие суммы компенсации, чем при не-применении. В условиях противоречивости законодательства и политики, направленной скорее на поддержку промышленных компаний, чем на поддержку аборигенных сообществ, позиция «получить по крайней мере что-то» оборачивается необходимостью давать положительные заключения.

Исходя из описанной позиции, направленной скорее на обеспечение сообществ КМНС справедливых компенсаций, т.е. на экономические цели, чем на сохранение образа жизни (этнокультурные цели) – наличие/отсутствие диалога, учет мнения людей, проживающих в зоне освоения уходит на второй план. Для определения размеров компенсации не нужно вести диалог и знать о тревогах и заботах контрагентов. Соответственно, часть, посвященная рекомендациям, выглядит несколько отдельной от всего остального текста.

Еще одно замечание, касающееся косвенно отсутствия направленности на диалог, связано с закрытостью информации по поводу заключения, так же, как и по поводу ОВЭС. Наличие того и другого в открытом доступе позволило бы будущим исполнителям лучше ориентироваться при подготовке своих отчетов.

Подготовленное экспертной группой заключение рассматривается членами экспертной комиссии. По поводу последней, одним из наиболее спорных вопросов является вопрос состава комиссии. Большая часть актуального состава является представителями тех или иных министерств. При этом решение комиссией принимается путем голосования. В связи с этим высказываются опасения, что, поскольку правительство – вертикально-интегрированная организация со строгой иерархией, то, теоретически, мнение представителей общественности и мнение представителей КМНС может вообще не учитываться (ПМА, 2016: представитель АКМНС РС(Я)). С другой стороны, превалирование представителей правительства в комиссии объясняют тем, что сам орган государственный, и предназначен он для принятия управленческих решений. Соответственно, и состоять он должен из чиновников. Общественная экспертиза не имела бы принуждающей силы (ПМА, 2016: эксперт)

Далее будет кратко описан ход заседания экспертной комиссии этнологической экспертизы.

Первое – как на него попасть. С одной стороны, кажется, с этим не должно быть проблем. Нигде не сказано, что заседания проводятся закрыто. Однако, поскольку они проводятся в Министерстве, организация мероприятия проводится по тем правилам, и обычаям, по которым обычно организуются мероприятия. Например, составляется повестка, программа, протокол мероприятия. Вероятно, в тот момент, когда я попросил разрешить мне присутствовать на заседании, перед организаторами возникли чисто технические трудности. Разрешить кому-то находиться, никак не обозначив его присутствие в документах – это может вызвать вопросы участников заседания. Но если обозначать чье-то присутствие в списке участников – обычно необходимо указывать его должность, которая выполняет роль не просто предоставления какой-то информации о человеке, но и обоснования его отношения к тому, о чем идет речь на заседании. Указать «магистрант МГУ» - не укладывается в нормы здравого смысла. Не очевидно, зачем он здесь. В конце концов, мое присутствие было обозначено как присутствие привлеченного экспертной группой специалиста. При этом меня попросили не вести диктофонную запись, и не задавать никаких вопросов во время заседания.

Далее я опишу как проходило заседание, а потом прокомментирую некоторые моменты, которые кажутся мне важными.

Заседание разворачивалось следующим образом. Руководитель экспертной группы представил заключение ЭГ – кратко пересказал содержание поданных на оценку материалов, комментарии экспертной группы, и выводы ЭГ о том, что несмотря на некоторые недочеты, которые предлагается исправить в ходе этнологического мониторинга за реализацией проекта, группа рекомендует принять положительное заключение.

Руководителю ЭК был задан вопрос о транспортном обеспечении (вероятно, о возможности представителей КМНС использовать транспорт или инфраструктуру компании) – последовал ответ о том, что по этому вопросу

стороны договорятся в рамках СЭС, поскольку сам вопрос выходит за рамки компетенции специалистов по ЭЭ.

Далее последовало выступление главы МО, в которой был высказан ряд критических замечаний по поводу текста ОВЭС (в частности, о заниженной оценке ущерба), а также было высказано пожелание о проведении общественных слушаний для обсуждения ОВЭС прежде чем будет вынесено решение комиссии: «вот, ...*другая компания*... весной проводила общественные слушания по ОВЭС по ...*проекту*...» (ПМА, 2016). Дальнейшее обсуждение развернулось следующим образом.

Председатель комиссии спросил, действительно ли глава МО предлагает изменить порядок проведения ЭЭ. Глава ответил, что хотелось бы провести слушания, поскольку в тексте ОВЭС множество ошибок, «хотя мы и не можем обязывать, конечно» (ПМА, 2016). Руководитель ЭГ уточнил, что чтобы провести общественные слушания – надо менять закон об ЭЭ. К этому председатель комиссии добавил, что, если слушания провести в нынешней ситуации, и при этом на слушаниях будут не согласны с результатами ОВЭС, а комиссия будет согласна – получится коллизия. С другой стороны, продолжил руководитель ЭГ, хотя ущерб действительно занижен (в тексте, подготовленном ЭГ все высказанные главой замечания учтены), однако, он посчитан в соответствии с Методикой, и до тех пор, пока не принята более адекватная региональная методика расчета убытков, бессмысленно предъявлять претензии к исполнителю ОВЭС.

Затем последовал комментарий от одного из членов ЭК о том, что он считает текст ОВЭС очень некорректным (предоставил для протокола 4 листа замечаний), и опасается, что если по данному тексту будет принято положительное заключение, то следует и в будущем ожидать новых и новых некорректных текстов. В дополнение к этому прозвучал и комментарий главы МО о том, что «...*компания*... - это НАШЕ предприятие, мы должны пример показать другим недропользователям» (ПМА, 2016).

Секретарь комиссии пояснила, что может означать принятие сейчас отрицательного заключения согласно закону (компания потребуется переработать и пройти экспертизу заново, или обжаловать решение комиссии в суде) и согласно постановлению (отрицательное заключение может означать отказ в реализации проекта, или необходимость доработки).

Комментарий представителя компании заключался в том, что показатели ущерба, может быть, и занижены («про Методику я молчу»), но при этом совокупный ущерб посчитан по всей территории участка, в то время как реально компания намерена задействовать только 25-30% территории. Кроме того, компания готова платить столько, сколько надо («если надо в два раза больше – мы готовы»), единственное требование – четко прописать в законе, чтобы это было ясно. Что касается отрицательного заключения, то поскольку в ходе экспертизы не было запрошено никаких дополнительных данных, не было к компании никаких обращений от экспертов – то по каким же основаниям можно сейчас не дать положительное заключение?

Руководитель экспертной группы подтвердил, что для не-положительного заключения отсутствуют юридические основания, кроме того, в рамках подготовленного положительного заключения есть четкий механизм работы с недостатками ОВЭС.

В итоге было решено оформить поступившие замечания в протоколе и поручить компании доработать ОВЭС, а также пригласить на следующее заседание исполнителя ОВЭС. Решение было принято комиссией единогласно.

Мне кажется важным обратить внимание на следующие несколько моментов. Во-первых, любопытно, что из всех присутствующих членов ЭК, активно участвовали в заседании 4 человека: председатель комиссии, секретарь комиссии, Уполномоченный по правам КМНС и представитель научного сообщества. Никто из оставшихся никак не участвовал. Во-вторых, очень интересный момент представляет перевод заданного главой муниципального образования довольно практического вопроса об обсуждении результатов ОВЭС

на общественных слушаниях, с одной стороны, в административно-правовую плоскость соотношения статуса решения слушаний со статусом решения ЭК и возможная коллизия несовпадения данных решений как повод снять предложенный вопрос с обсуждения; и перевод на язык различимых для управляющего корпорацией конкретных цифр – при этом вопрос об обсуждении на слушаниях, как и все другие вопросы, откладывающие принятие положительного заключения воспринимаются, по-видимому, как ходы в торгах, которые компания со своей стороны должна уравнивать поднятием ставок денежных компенсаций. Первый перевод создает ощущение несколько глупой ситуации, когда на простое предложение обсудить с местным сообществом исследование воздействия предполагаемой деятельности на это же сообщество дается ответ о невозможности такого обсуждения с отсылкой к принятым где-то правилам. Оба ответа закрывают возможность для выстраивания диалога, подменяя его более формализованными и простыми взаимодействиями.

Итогом работы экспертной комиссии является Заключение ЭЭ. Текст заключения ЭЭ тесно связан с текстом ЭГ. По сути, это сокращенная версия последнего. Соответственно, прежде всего устанавливает соответствие поданных материалов принятому законодательству. Затем дается пересказ содержания материалов, включая цифры предполагаемых компенсаций. Фразой «По итогам экспертизы материалов...» вводится блок про выводы и что дается положительное заключение. В конце следует блок с рекомендациями.

При сравнении заключений различных экспертиз интересно, что рекомендации в каждом случае устойчиво повторяются, и сводятся в итоге к тому, чтобы компания а) заключила соглашение с МО; б) разработала программу содействия устойчивому развитию КМНС (устойчивый набор предлагаемых для программы мероприятий: финансирование образовательных программ по смене профессиональной ориентации; содействие проведению мероприятий этнокультурной направленности; стимулирование обучения для КМНС с

последующим трудоустройством на объектах предприятия); в) приняла программу этнологического мониторинга (Приложение №1). Такая повторяемость заключений может быть связана как с упомянутой вторичностью этнокультурной части экспертизы относительно экономической (и, соответственно, рекомендаций относительно компенсаций), так и с тенденцией к формализации и упрощению процедуры.

Прежде чем перейти к заключению, в котором подводятся итоги проведенному исследованию, может быть интересно представить несколько идеально-типических (в смысле Вебера) позиций относительно этнологической экспертизы, с помощью которых можно классифицировать различные взгляды на эту процедуру.

Каждая позиция выстраивается вокруг понимания перспектив взаимодействия групп, ведущих «традиционный образ жизни» и тех, кто ведет промышленное освоение ресурсов. Все три признают, что промышленное освоение неизбежно.

Первая позиция построена вокруг предположения, что как компании, так и коренные народы уже находятся в одном общем правовом и экономическом контексте, только одни (промышленные) лучше приспособлены к нему, а другие (коренные) – хуже. Главная проблема коренных – не культурная, а экономическая. Они игроки такого же плана, что и компании, только более слабые. Роль государства – уравновесить шансы в игре, гарантировать соблюдение прав даже слабых игроков. Другими словами, несмотря на то, что игрок мал, он должен получить справедливую компенсацию в том случае, если несет убытки в результате деятельности другого игрока. Когда это условие выполняется – цель экспертизы достигнута.

Исходя из этой позиции закон об экспертизе представляется, с одной стороны, «закрывающим» некоторые коллизии и недоработки, содержащиеся в

законодательстве, а с другой стороны – довольно мягким, поскольку не навязывает компаниям ничего нового, не обременяет их дополнительными административными барьерами – всего лишь предлагает им формально оправданный способ честно возместить убытки других пользователей. Для коренного населения экспертиза – инструмент, с помощью которого государство оберегает КМНС от неравноправного обмена, позволяет получить в условиях несовершенного законодательства «по крайней мере что-то, а не ничего», адаптирует коренное население к новым условиям жизни (подталкивает заботиться о бухгалтерии и закреплении прав на землю), стимулирует вступать в новые виды экономической деятельности (получать новые специальности, трудоустраиваться на работающие в местности предприятия).

Вторая позиция предполагает, что традиционное природопользование – не экономический вид деятельности, во всяком случае, важен в нем не баланс прибыли и убытков, как в разработке алмазного месторождения, и, соответственно, основной вопрос – не в справедливой компенсации, а в сохранении образа жизни как такового. Для компаний закон должен быть жестким, экспертиза проводится независимо, должны быть созданы условия для возможности отказать компании в реализации намеченной деятельности, если в ее результате под угрозой окажется образ жизни. Для коренного населения экспертиза дает возможность минимизировать или исключить влияние промышленности на традиционный образ жизни, а также использовать ресурсы компании для его поддержки.

Третья позиция сходна со второй в том, что касается акцента скорее на образе жизни, чем на экономическом ущербе, однако помещает всю ситуацию в контекст социальной ответственности компаний. Компании можно не только принуждать жестким законодательством бережно относиться к традиционному образу жизни, но также и убеждать. Экспертиза – способ объяснить компании, что именно можно, а что нельзя делать на территории проживания КМНС, и почему это именно так. Для коренного населения экспертиза – это способ

представить свою точку зрения и свой способ жизни как равную по ценности и достоинству, как такую, которую можно понять и учесть. Исследователи, проводящие экспертизу, выступают как переводчики, сообщающие не только компании смысл и значимость условий и особенностей образа жизни коренных народов, но и представителям коренных – смысл и значимость образа жизни представителей промышленных компаний.

Каждая из трёх позиций обладает своими сильными сторонами, и сейчас мне не представляется возможным определить, какая из них является более интересной или адекватной имеющимся интересам и обстоятельствам вовлеченных в процесс экспертизы групп. Следует только заметить, что реализуемая в РС(Я) процедура этнологической экспертизы, на мой взгляд, ближе всего находится к первой из описанных позиций.

Заключение

Данное исследование было направлено на выявление специфических характеристик организации процедуры государственной этнологической экспертизы в Республике Саха (Якутия), которые могли бы способствовать или препятствовать ей в том, чтобы быть площадкой для диалога между КМНС и другими хозяйствующими субъектами.

Исследование опиралось на концептуальную рамку, связывающую понятия структурного насилия, работы воображения и бюрократической процедуры, причем предполагалось, что государственная этнологическая экспертиза как бюрократическая процедура будет способствовать скорее исполнению установленных в отношении КМНС сравнительно простых правил, нежели учету более сложных и запутанных интересов конкретных групп людей в конкретных обстоятельствах, т.е. диалогу.

Для исследования использовались источники трёх типов: 1) нормативно-правовые акты и официальные документы; 2) академическая литература, описывающая процедуру ЭЭ в РС(Я); 3) полевые материалы автора.

Суммируя результаты исследования можно утверждать, что государственная этнологическая экспертиза в РС(Я) ни на одном из этапов своего осуществления не создаёт, или создаёт лишь кажущиеся возможности для полноценного диалога между сообществами КМНС и промышленными компаниями. На стадиях составления технического задания на проведение исследований для подготовки отчета об оценке воздействия на этнологическую среду, проведения полевых исследований и написания ОВЭС, представления ОВЭС на общественном собрании, оценки ОВЭС экспертной группой и написания заключения экспертной группы, рассмотрения заключения экспертной группы на заседании экспертной комиссии по этнологической экспертизе, написания заключения этнологической экспертизы формальное следование правилам, внимание к официальным документам, предпочтение количественным показателям и

расчету блокирует возможности для работы воображения, чем способствует производству структурного насилия.

Однако следует учитывать недостаточность проведенных полевых исследований для всесторонней разработки заявленной темы. Так, следует гораздо внимательнее отнестись как к исследованию позиций и действий, занимаемых и предпринимаемых сотрудниками промышленных компаний в рамках проведения этнологической экспертизы, так и, с другой стороны, к непосредственным обстоятельствам повседневных действий сообществ КМНС, проживающих на территориях интенсивного промышленного освоения.

Таким образом, необходимо проведение дальнейших исследований. При этом фокусом таких исследований могли бы стать те пространства и области повседневных взаимодействий сторон (промышленные компании, КМНС, исследователи, государственные служащие), которые допускают более равномерное распределение работы воображения и возможность диалога.

Список литературы

1. Behrends, A., Reyna S. P., and Schlee G. (2011) *Crude Domination: An Anthropology of Oil*. New York: Beghahn Books.
2. Bernard, H. R. (2006) *Research methods in anthropology: Qualitative and quantitative approaches*. Lanham, MD: AltaMira Press.
3. Coleman, S., & Hellermann, Von P. (2011) *Multi-sited ethnography: Problems and possibilities in the translocation of research methods*. New York: Routledge.
4. Dilts, A., Winter, Y., Biebricher, T., Johnson, E.V., Vázquez-Arroyo, A.Y. & Cocks J. (2012) Revisiting Johan Galtung's Concept of Structural Violence, *New Political Science*, 34:2, e191-e227. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/07393148.2012.714959> (дата обращения: 24.02.2017).
5. Falzon, M. A. (2009) *Multi-sited ethnography: theory, praxis and locality in contemporary research*. Farnham, England: Ashgate.
6. Funk, D. (2009) In Search of a “Roster of 26 Smaller Peoples of the North” of Russia // *Passageways. From Hungarian Ethnography to European Ethnology and Sociocultural Anthropology*. Budapest, p. 315–329.
7. Funk, D. (2015) Northern cultures under the pressure of industrial development // *Folklore: Electronic Journal of Folklore*. Vol. 62. P. 274–277.
8. Galtung, J. (1969) Violence, Peace, and Peace Research. // *Journal of Peace Research*, 6(3), 167-191. URL: <http://www.jstor.org/stable/422690> (дата обращения: 18.02.2017).
9. Garipov, R. (2013) Resource Extraction from Territories of Indigenous Minority Peoples in the Russian North: International Legal and Domestic Regulation // *Arctic Review on Law and Politics*, vol. 4, 1. Pp. 4–20.
10. Graeber, D. (2001) *Toward an Anthropological Theory of Value: The False Coin of Our Own Dreams*. New York: Palgrave. 337 pp.

11. Graeber, D. (2015) *The utopia of rules: on technology, stupidity, and secret joys of bureaucracy*. New York, London: Melville House Publishing. 262 pp.
12. Gupta, A. (2012) *Red Tape: Bureaucracy, Structural Violence, and Poverty in India*. Durham, NC: Duke University Press. 368 pp.
13. Herzfeld, M. (1991) *The Social Production of Indifference: Exploring the Symbolic Roots of Western Bureaucracy*. New York: Berg. Pp. 217.
14. Kryazhkov, V.A. (2015) *Legal Regulation of the Relationships Between Indigenous Small-Numbered Peoples of the North and Subsoil Users in the Russian Federation* // *The Northern Review* 39: 66–87.
15. Marcus, G. A. (1995) *Ethnography in/of the World System: The Emergence of Multi-Sited Ethnography*. // *Annual Review of Anthropology*, vol. 24, pp. 95-117.
16. Miskova E. (2016) *Natalia Novikova, hunters and oil workers. Research on legal anthropology* // *Asian Ethnicity*. Vol. 17, no. 2. P. 323–327
17. Novikova, N.I. (2016) *Who is responsible for the Russian Arctic?: Co-operation between indigenous peoples and industrial companies in the context of legal pluralism* // *Energy Research & Social Science* 16. Pp. 98–110
18. Reyna, S. (2001) *Force, power and string being?* // *Max Planck Institute for Social Anthropology Working Papers*. Working Paper #20.
19. Rhodes, R. A. W. (2005) *Everyday Life in a Ministry. Public Administration as Anthropology* // *The American Review of Public Administration* Vol 35, Issue 1, pp. 3 – 25
20. Robben, A. C. G. M., & Sluka, J. A. (2007) *Ethnographic fieldwork: An anthropological reader*. Malden, MA: Blackwell Pub.
21. Rogers, B. (2015) *Oil and Anthropology* // *Annual Review of Anthropology*. 44. Pp. 365–80.
22. Scott, J. C. (1990) *Domination and the Arts of Resistance. Hidden Transcript*. New Haven, Yale. University Press, 251 pp.

23. Sleptsov, A. (2015) Ethnological Expertise in Yakutia: Regional Experience of Legal Regulation and Enforcement // *The Northern Review* 39: 88–97.
24. Stammler, F., Ivanova, A. (2016-a) Resources, Rights and Communities: Extractive Mega-Projects and Local People in the Russian Arctic, *Europe-Asia Studies*, 68:7, 1220-1244.
25. Stammler, F., Ivanova, A. (2016-б) Pluralities of Governance in the Russian Arctic // Hot Spots, Cultural Anthropology website, July 29, 2016. URL: <https://culanth.org/fieldsights/937-pluralities-of-governance-in-the-russian-arctic> (дата обращения 12.03.2017).
26. Tomaselli, A., Koch, A. (2014) Implementation of Indigenous Rights in Russia: Shortcomings and Recent Developments // *The International Indigenous Policy Journal*, 5(4). URL:
27. Адаев В.Н. (2009) Из опыта проведения этнологической экспертизы в Урало-Сибирском регионе // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Сб. статей. Томск; Ханты-Мансийск; Изд-во Том. ун-та, 2009. Вып. 7. С. 35-42 URL: http://www.nasledie.admhmao.ru/upload/iblock/025/4._iz_opyta_provedeniya_....pdf (дата обращения: 18.02.2017)
28. Административный регламент предоставления Департаментом по делам народов Республики Саха (Якутия) государственной услуги «Этнологическая экспертиза в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов»: Приложение к приказу Департамента по делам народов Республики Саха (Якутия) от «18» июля 2012 г. № 67-од. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.06.2017).
29. Алексеева Е. К. (2015) Компании-недропользователи и коренные народы Арктики. // В сборнике: Научное и образовательное пространство:

- перспективы развития Материалы Международной научно-практической конференции. Чебоксары. С. 222-224
30. Астахова И.С. (2011) Власть и коренные малочисленные народы Севера: опыт взаимодействия на примере Республики Саха (Якутия) // Арктика и Север. №3. С. 1-8.
31. Астахова И.С. (2014) Малочисленные народы севера Якутии в 80-х – начале 90-х гг. XX в.: проблемы государственной политики // Малочисленные этносы в пространстве доминирующего общества: практика прикладных исследований и эффективные инструменты этнической политики: Сборник научных статей по итогам всероссийской с международным участием научно-практической конференции (г. Кемерово, 17–18 окт. 2014 г.). Кемерово: Практика, с. 85-90.
32. Баишева С. М. (2014-а) Малочисленные этносы в местах традиционного природопользования: возможности и ограничения (из опыта этнологической экспертизы) // Малочисленные этносы в пространстве доминирующего общества: практика прикладных исследований и эффективные инструменты этнической политики: Сборник научных статей по итогам всероссийской с международным участием научно-практической конференции (г. Кемерово, 17–18 окт. 2014 г.). Кемерово: Практика. с. 91-100
33. Баишева С. М. (2014-б) Южные эвенки как объект социологического изучения в многоэтническом пространстве Якутии // Малочисленные этносы в пространстве доминирующего общества: практика прикладных исследований и эффективные инструменты этнической политики: Сборник научных статей по итогам всероссийской с международным участием научно-практической конференции (г. Кемерово, 17–18 окт. 2014 г.). Кемерово: Практика. С. 269-275

34. Баишева С. М. (2016) Взаимодействие бизнеса и коренных малочисленных народов Якутии: социальный контекст и жизненные реалии // *Business Economics*, Issue 4 (2), (October). Volume 51. С. 580-584.
35. Богдавленский Д.Д., Мартынова Е.П., Мурашко О.А., Хмелева Е.Н., Якель Ю.Я., Яковлева О.А. (2002) Опыт проведения этнологической экспертизы. Оценка потенциального воздействия программы ОАО «Газпром» поисково-разведочных работ в акваториях Обской и Тазовской губ на компоненты устойчивого развития этнических групп коренных малочисленных народов Севера. М. 134 с.
36. Бурцева Е.И. (2015) Проблемы социальной защищенности коренных малочисленных народов Севера и промышленное освоение Республики Саха (Якутия) // *Ресурсная экономика в контексте современных тенденций глобализации: материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых*. Якутск: Издательский дом СВФУ. С. 186-189.
37. Бурцева Е.И., Набережная А.Т., Барашков Н.А., Павлова А.Н., Ноговицын Р.Р. (2012) Новый этап промышленного развития Южной Якутии и проблемы социальной защищенности малочисленных народов Севера // *Стратегия развития рынка 20* (161). С. 13-23.
38. Василькова Т. Н., Еввай А. В., Мартынова Е. П. и др. (2010) Коренные малочисленные народы и промышленное освоение Арктики (Этнологический мониторинг в Ямало-Ненецком автономном округе). М.; Шадринск: Изд-во ОГУП «Шадринский Дом Печати». 268 с.
39. Вебер, М. (2016) *Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии*. Пер. с нем. Т.1. Социология. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 445 с.
40. Величенко В.В. (2016) К методике оценки воздействия на охотничьи ресурсы территорий коренных малочисленных народов Севера // *Вестник*

- Северо-восточного федерального университета имени м. К. Аммосова. Серия «Экономика. Социология. Культурология». №4 (04). С. 19-24.
41. Власов А.В. (2013) Доклад в Общественной палате Российской Федерации на конференции «Промышленные компании и коренные народы». URL: <http://old.sakha.gov.ru/special/node/131297> (дата обращения: 16.04.2017).
42. Гассий В.В., Потравная Е.В., Кузнецов И.В., Захаров С.А. (2016) Согласование интересов целевых групп в сфере недропользования: социально-экономические, экологические и этнографические аспекты // Недропользование XXI век. №2 (59). С. 90-97.
43. Головнёв А. В. (2014) Этнологическая экспертиза в сценариях ресурсного освоения Ямала // Уральский исторический вестник. №2. С. 143-153.
44. Головнёв А. В., Лёзова С. В., Абрамов И. В., Белоруссова С. Ю., Бабенкова Н. А. (2014) Этноэкспертиза на Ямале: ненецкие кочевья и газовые месторождения. Екатеринбург: «Издательство АМБ». 232 с
45. Гребер Д. (2016) Утопия правил: о технологиях, глупости и тайном обаянии бюрократии, М.: Ад Маргинем Пресс. 224 с.
46. Доклад о соблюдении прав и законных интересов коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) и о деятельности Уполномоченного по правам коренных малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия) за 2015 год. Якутск, 2016. URL: <https://iu-upkm.sakha.gov.ru/doklady> (дата обращения: 20.03.2017).
47. Доклад о соблюдении прав и законных интересов коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) и о деятельности Уполномоченного по правам коренных малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия) за 2016 год. Якутск, 2017. URL: <https://iu-upkm.sakha.gov.ru/doklady> (дата обращения: 20.03.2017).
48. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2015 год. Москва, 2016 URL:

- <http://ombudsmanrf.org/www/upload/files/docs/appeals/d2015w.pdf> (дата обращения 23.03.2017)
49. Евсеева Е.М. (2012) Итоговый отчет по проекту "Коренные малочисленные народы Севера и изменение климата: от сбора данных к реальным планам адаптации", Республика Саха (Якутия) URL: <http://www.csipn.ru/izmenenie-klimata/proekt-dm-1532/respublika-sakha-yakutiya/itogovuj-otchet-evseeva-e-m#.WRI00cbafIV> (дата обращения: 2.04.2017).
50. Ерохина Е. А. (2015) Механизмы, критерии и принципы этноэкологической и этносоциальной экспертизы (итоги работы секции в рамках XI Конгресса антропологов и этнологов России, г. Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г.) // Новые исследования Тувы. 2015, № 3. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_27/8183-erohina.html (дата обращения: 12.04.2016.).
51. Звиденная О. О., Новикова Н. И. (2010) Удэгейцы: охотники и собиратели реки Бикин (Этнологическая экспертиза 2010 года). М.: ИД Стратегия; ИП Андрей Яковлев. 154 с.
52. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.06.2017).
53. Игорь Баринов: у нечистоплотных политиков возникает соблазн поэксплуатировать национальную карту. ТАСС информационное агентство. 2017. 28 фев. URL: <http://tass.ru/opinions/interviews/4059448> (дата обращения 12.03.2017).
54. Информация о реализации в 2015 году Плана мероприятий по реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации и Концепции государственной национальной политики Республики Саха (Якутия) на 2014 - 2016 годы. URL:

- <https://goscomnas.sakha.gov.ru/files/front/download/id/1336518> (дата обращения: 12.02.2017)
55. Клоков К. Б. (2013) Теоретическое обоснование этнологической экспертизы для оценки воздействия индустриального освоения на традиционное природопользование коренного населения Севера // Прикладная этнология и актуальные проблемы государственной этнонациональной политики в регионах Западной Сибири: механизмы взаимодействия власти, науки, общественности. Сб. ст. по итогам межрегионал. науч.-практ. семинара (Кемерово, 21–22 нояб. 2012 г.). Кемерово: Практика. С. 97-105
56. Клоков К. Б., Хрущев С. А., Бочарникова А. В. (2012) Этноэкологическая экспертиза воздействия индустриального освоения на традиционное природопользование коренного населения севера: теоретические и методологические подходы // Известия Русского географического общества, вып. 3. С.38-44.
57. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.06.2017)
58. Кряжков В.А. (2012) Российское законодательство о северных народах и правоприменительная практика: состояние и перспективы // Государство и право, № 5, с. 27–35.
59. Кряжков В.А. (2014) Правовое регулирование отношений между коренными малочисленными народами Севера и недропользователями в Российской Федерации // Государство и право. № 7. С. 27-39.
60. Кряжков В.А. (2016) Право коренных малочисленных народов на традиционное природопользование (на примере охоты) // Государство и право, 2016, № 11, с. 32–42.

61. Культура и ресурсы. Опыт этнологического обследования современного положения народов Севера Сахалина. Под редакцией Д.А. Функа. Москва, 2015. С. 272.
62. Куринских П. А. (2013) Культура жизнеобеспечения как объект этнологической экспертизы // Прикладная этнология и актуальные проблемы государственной этнонациональной политики в регионах Западной Сибири: механизмы взаимодействия власти, науки, общественности. Сб. ст. по итогам межрегионал. науч.-практ. семинара (Кемерово, 21–22 нояб. 2012 г.). Кемерово: Практика. С. 83-87
63. Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 N 200-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.06.2017).
64. Любимова, Г. В. (2014) Феномен «ресурсного проклятия» в этноэкологической истории сибирского региона (от «баррелей меха» – к «баррелям нефти») // Малочисленные этносы в пространстве доминирующего общества: практика прикладных исследований и эффективные инструменты этнической политики. Сборник научных статей по итогам всероссийской с международным участием научно-практической конференции (г. Кемерово, 17-18 октября 2014 г.). Кемерово: Практика, 2014. С. 137-141.
65. Люди Севера: права на ресурсы и экспертиза. Серия: Исследования по антропологии права. Отв. ред. Н. И. Новикова. М.: Издательский дом «Стратегия», 2008. 512 с.
66. Мартынова Е.П. (2014) Промышленные компании в Арктике: покорители тундры и благодетели (из опыта этнологических экспертиз в Ямало-Ненецком автономном округе) // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов Сб. ст. М.: ИЭА РАН. С. 325-331.

67. Мартынова Е.П., Новикова Н.И. (2012) Тазовские ненцы в условиях нефтегазового освоения: Этнологическая экспертиза 2011 года. М.: ИП А.Г. Яковлев. 132 с.
68. Мартынова М.Ю. (2014) Прикладной потенциал этнологических исследований: опыт Института этнологии и антропологии РАН // Малочисленные этносы в пространстве доминирующего общества: практика прикладных исследований и эффективные инструменты этнической политики: Сборник научных статей по итогам всероссийской с международным участием научно-практической конференции (г. Кемерово, 17–18 окт. 2014 г.). Кемерово: Практика. С. 390-398
69. Миськова, Е. В. (2016) Левиафан: дискурсивная зависимость от нефти. От ресурса к метонимии и обратно. Сибирские исторические исследования, 4(4).
70. Мостахова Т.С. (2016) Социально-демографические аспекты освоения арктических районов: проблемы воспроизводства населения, промышленное освоение и локализация этносов КМНС // Север и Арктика в новой парадигме мирового развития. Лузинские чтения: Материалы VIII Международной научно-практической конференции (Апатиты, 14-16 апреля 2016 г.). С. 337-344
71. Мурашко О. А. (2006) Этнологическая экспертиза в России и международные стандарты оценки воздействия проектов на коренные народы // Прил. к альманаху «Мир коренных народов - Живая Арктика». М. 114 с.
72. Наттэл М. (2008) Нефть, газ и права аборигенов в Арктике: опыт Северной Канады // Этнографическое обозрение, № 3. С. 4-17
73. Нечипоренко О. В. (2013) Интеграция коренных малочисленных народов Сибири в индустриальное общество: опыт этнологических экспертиз // Прикладная этнология и актуальные проблемы государственной этнонациональной политики в регионах Западной Сибири: механизмы

- взаимодействия власти, науки, общественности. Сб. ст. по итогам межрегионал. науч.-практ. семинара (Кемерово, 21–22 нояб. 2012 г.). Кемерово: Практика. С. 31-40
- 74.Новикова Н.И. (2008-а) Этнологическая экспертиза как средство соуправления // Люди Севера: права на ресурсы и экспертиза. Серия: Исследования по антропологии права. Отв. ред. Н. И. Новикова. — М.: Издательский дом «Стратегия». С. 195-212.
- 75.Новикова Н.И. (2008-б) Право нефти и права аборигенов // Этнографическое обозрение, № 3. С. 28-36
- 76.Новикова Н.И. (2010) Этнологическая экспертиза: на перекрестке истории, этнологии и юридической антропологии // Интеграция археологических и этнографических исследований: сборник научных трудов. Часть 1. Казань, 2010, с. 76-80.
- 77.Новикова Н.И. (2012) Взаимодействие коренных малочисленных народов и промышленных компаний // Север и северяне. Современное положение коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России Сборник. М.: издание ИЭА РАН. С. 22-37.
- 78.Новикова Н.И. (2014-а) Недостающее звено (об опыте проведения этнологических экспертиз на Севере России) // // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов Сб. ст. М.: ИЭА РАН. С. 344-352
- 79.Новикова Н.И. (2014-б) Охотники и нефтяники: Исследование по юридической антропологии. Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Наука. 407 с.
- 80.Новикова Н.И. (2016) Нефть, газ, коренные народы: кто напишет правила? // Вестник угроведения № 3 (26), с. 124-137.
- 81.О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации: федеральный закон от 30.04.1999 N 82-ФЗ (ред. от

- 13.07.2015). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.06.2017).
82. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федеральный закон от 05.04.2013 N 44-ФЗ (ред. от 01.05.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.06.2017).
83. О недрах: Закон РФ от 21.02.1992 N 2395-1 (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.10.2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.06.2017).
84. О порядке организации и проведения этнологической экспертизы в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов (вместе с "Положением о порядке организации и проведения этнологической экспертизы", "Положением об Экспертной комиссии этнологической экспертизы"): постановление Правительства РС(Я) от 06.09.2011 N 428. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.06.2017).
85. О рекомендациях парламентских слушаний на тему «Правовое регулирование вопросов взаимодействия промышленных компаний - недропользователей и коренных малочисленных народов Севера в местах компактного проживания этих народов»: Постановление Государственного Собрания (Ил Тумэн) РС(Я) от 28.05.2015 ГС N 609-V. URL: <http://sakha.regnews.org/doc/bq/s8.htm> (дата обращения: 24.03.2017).
86. Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: федеральный закон от 20.07.2000 N 104-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.06.2017)
87. Об утверждении методики исчисления размера убытков, причиненных объединениям коренных малочисленных народов Севера, Сибири и

- Дальнего Востока Российской Федерации в результате хозяйственной и иной деятельности организаций всех форм собственности и физических лиц в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации: Приказ Минрегиона РФ от 09.12.2009 N 565. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.06.2017)
88. Об утверждении перечня коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: распоряжение Правительства РФ от 17.04.2006 N 536-р (ред. от 26.12.2011). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.06.2017).
89. Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации и перечня видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации: распоряжение Правительства РФ от 08.05.2009 N 631-р (ред. от 01.03.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.06.2017).
90. Об этнологической экспертизе в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия): закон Республики Саха (Якутия) от 14.04.2010 820-3 N 537-IV (принят постановлением ГС (Ил Тумэн) РС(Я) от 14.04.2010 3 N 538-IV). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.06.2017).
91. Ольга Мурашко: «При разработке проекта федерального закона об этнологической экспертизе будет учтён опыт Якутии». Пресс-служба Ил Тумэна. Опубликовано: 11.03.2017. URL: <http://iltumen.ru/content/olga-murashko-%C2%ABpri-razrabotke-proekta-federalnogo-zakona-ob-etnologicheskoi-ekspertize-budet> (дата обращения: 12.03.2017)

92. Отчет № 13/2013 по теме: Оценка воздействия на этнологическую среду объекта «Строительство двух одноцепных ЛЭП кВ НПС-15 - НПС-16» в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов севера Якутии ПСХК КРО «Киндигирь» МО «Олекминский район», КРО МНС-Э «Сэргэлээх», община «Амга» МО «Алданский район». Раменское - Якутск, 2013. 75 с.
93. Парламентские слушания (2008). Правовое обеспечение этнологической экспертизы как обязательного условия при освоении северных территорий. Федеральное Собрание Российской Федерации. Парламентские слушания. 25 октяб. 2007 г. М.: Изд-во Совета Федерации. 108 с. URL: <http://council.gov.ru/media/files/41d44f2438657bd5f0bd.pdf> (дата обращения 22.03.2017).
94. Пахомов А.А., Мостахова Т.С. (2016) Этносоциальные проблемы территорий Якутии в зоне строительства газопровода «Сила Сибири» // Регион: экономика и социология. №3 (91). С. 133-142.
95. Пахомов А.А., Чомчоев А.И. (2017) Этносоциальные проблемы арктических территорий в зоне промышленного освоения на примере Анабарского национального (долганозвенкийского) и Оленекского национального эвенкийского районов Республики Саха (Якутия) // Sciences of Europe #12(12), 2017, с. 38-42.
96. Поддубиков В. В. (2013) Этнологический мониторинг в регионах Южной Сибири: практический опыт в решении проблем сохранения этнокультурного наследия и традиционного образа жизни коренных малочисленных этносов (научно-методический аспект) // Прикладная этнология и актуальные проблемы государственной этнонациональной политики в регионах Западной Сибири: механизмы взаимодействия власти, науки, общественности. Сб. ст. по итогам межрегионал. науч.-

- практ. семинара (Кемерово, 21–22 нояб. 2012 г.). Кемерово: Практика. С. 164-190
97. Поддубиков В. В., Садовой А. Н., Белозёрова М. В. (2014) Экспертиза и мониторинг традиционных форм природопользования коренных малочисленных этносов: методы прикладной этнологии. – Кемерово: ООО «Практика». 358 с.
98. Потравный И. М., Баглаева В. О. (2015) Об интеграции задач экологического аудита и этнологической экспертизы при обосновании проектов хозяйственного освоения территории // Горизонты экономики. № 5 (24). С. 44—47.
99. Потравный И. М., Гассий В. В., Черноградский В. Н., Постников А. В. (2016) Социальная ответственность компаний-недропользователей на территории традиционного природопользования как основа партнерства власти, бизнеса и коренных малочисленных народов Севера // Арктика: экология и экономика № 2 (22). С. 56-63.
100. Потравный И.М., Гассий В.В., Тамбовцева Т.Т. (2016) Этнологическая экспертиза как инструмент согласования интересов целевых групп в сфере традиционного природопользования // Экономика природопользования. №3. С. 80-92.
101. Романова Е. Н., Алексеева Е. К. (2015-а) Экономические мегапроекты России: взаимодействие добывающих промышленных и коренных малочисленных народов севера компаний (на примере Южной Якутии) // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). № 5. С. 84-88.
102. Романова Е. Н., Алексеева Е. К., Игнатьева В. Б. (2012) Республика Саха (Якутия) // Север и северяне. Современное положение коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России. М.: издание ИЭА РАН. С. 71-85.

103. Романова Е.Н., Алексеева Е.К. (2015-б) Добывающие компании на земле оленеводов (этноэкспертиза на северо-западе Якутии) // Казанская наука. №11. Казань: Изд-во Казанский Издательский Дом. С.361-364.
104. Романова Е.Н., Алексеева Е.К., Игнатъева В.Б., (2012) Республика Саха (Якутия) // Север и северяне. Современное положение коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России Сборник. М.: издание ИЭА РАН, 2012. С. 100-120.
105. Российская Арктика: коренные народы и промышленное освоение. Сб. ст. под редакцией В. А. Тишкова. Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 272 с.
106. Садовой А. Н. (2013) Этнологическая экспертиза в системе регионального этнологического мониторинга // Прикладная этнология и актуальные проблемы государственной этнонациональной политики в регионах Западной Сибири: механизмы взаимодействия власти, науки, общественности. Сб. ст. по итогам межрегионал. науч.-практ. семинара (Кемерово, 21–22 нояб. 2012 г.). Кемерово: Практика. С. 67-82
107. Садовой А.Н., Белозерова М.В. (2015) Стратегия этнологических экспертиз на особо охраняемых природных территориях: к проблеме сохранения историко-культурного наследия // Экологическое равновесие: природное и историко-культурное наследие, его сохранение и популяризация. Материалы VI международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург. С. 56-62.
108. Сирина А.А., Фондад Г. (2008) Призрак нефтепровода на севере Байкала // Этнографическое обозрение, № 3. С. 60-70
109. Слепцов А.Н. (2012) О правовых аспектах взаимодействия промышленных компаний и народов Севера при промышленном освоении территорий традиционного природопользования // Правовые и социальноэкономические проблемы развития народов Арктики.

- Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Якутск, 2011 г.). Вып. 9. Якутск. С. 24–31.
110. Слепцов А.Н. (2013) Этнологическая экспертиза в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности народов севера: региональный опыт правового регулирования и правоприменительной практики // Евразийский юридический журнал № 12 (67). С. 71-75.
111. Слепцов А.Н. (2015) Государственная этнологическая экспертиза Республики Саха (Якутия) // Арктика. XXI век. Гуманитарные науки. № 1 (4). С. 15-24
112. Слепцов А.Н., Гоголев П.В. (2016) Методические рекомендации по проведению этнологической экспертизы в Республике Саха (Якутия). Якутск: Издательский дом СВФУ. 48 с.
113. Сосин П.В. (2015) Южная Якутия: социальная адаптация и этноэкологические проблемы коренных малочисленных народов Севера // Северо-Восточный гуманитарный вестник, № 2(11). С. 69-74.
114. Степанов В.В. (1999) Методы этноэкологической экспертизы. М.: ИЭА, 299 с.
115. Уилсон Э., Свидерска К. (2008) Горнодобывающая промышленность и коренные народы в России: регулирование, участие и роль антропологов // Этнографическое обозрение, № 3. С.17-28.
116. Усилия властей Якутии по защите прав КМНС высоко оценены на федеральном уровне. Якутское-Саха Информационное Агентство. Опубликовано: 09.03.17. URL: <http://ysia.ru/obshhestvo/usiliya-vlastej-yakutii-po-zashhite-prav-kmns-vysoko-otseneny-na-federalnom-urovne/> (дата обращения: 11.03.2017).
117. Шадрин В. И. (2013) Этнологическая экспертиза как инструмент защиты коренных малочисленных народов Севера: опыт, проблемы, перспективы (На примере Республики Саха (Якутия)) // Арктическая зона

- Российской Федерации: Северо-Восточный вектор развития. Сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 380-летию вхождения Якутии в состав Российского государства. 28–30 ноября, г. Санкт-Петербург. Ч. II. СПб. С. 406–413.
118. Шадрин В. И. (2014) Этнологическая экспертиза в Якутии // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. М.: ИЭА РАН, с. 331-337
119. Шадрин В. И. (2015) При принятии решений в сфере недропользования необходим учёт интересов коренных малочисленных народов Севера. URL: <http://iltumen.ru/content/vyacheslav-shadrin-%C2%ABpri-prinyatii-reshenii-v-sfere-nedropolzovaniya-neobkhodim-uchet-interes> (дата обращения: 12.03.2017).
120. Щурова Л. В. (2014) Объект этнологической экспертизы и процедура размещения заказа: на основе опыта Кемеровской области // Малочисленные этносы в пространстве доминирующего общества: практика прикладных исследований и эффективные инструменты этнической политики: Сборник научных статей по итогам всероссийской с международным участием научно-практической конференции (г. Кемерово, 17–18 окт. 2014 г.). Кемерово: Практика. С. 418-420
121. Якель Ю. Я. (2012) Общая характеристика действующего законодательства. Проблемы практики применения // Север и северяне. Современное положение коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России. Сборник. М.: издание ИЭА РАН. С. 8-21.
122. Якель Ю. Я. (2014) Юридические аспекты проведения этнологической экспертизы в местах традиционного проживания и ведения хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ // Этнополитическая ситуация в

России и сопредельных государствах в 2013 году. Ежегодный доклад
Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения
конфликтов Сб. ст. М.: ИЭА РАН. С. 352-357

123. Ямсков А.Н. (2006) Этноэкологические экспертизы в
международных организациях // Этнология обществу. Прикладные
исследования в этнологии. Отв. ред. С.В. Чешко. – М.: изд. “Оргсер-вис-
2000”. С. 10-62.

Приложение

Таблица проведенных экспертиз

Название проекта, заказчик экспертизы	Номер распоряжения	Эксперты	Исполнители ОВЭС	Район, поселения, организации КМНС	Размер компенсации	Рекомендации
<p>Строительство Канкунской ГЭС на р. Тимптон</p> <p>РУС Гидро; ОАО «Южно-Якутский ГЭК»</p>	от 17 августа 2012 г. № 881-р	<p>Шадрин В.И. Бурцева Е.И. Габышева Е.И. Слепцов А.Н.</p>	ООО НПК «СеверПроект»	<p>Алданский и Нерюнгринский район.</p> <p>С. Хатыстыр и с. Иенгра,</p> <p>8 общин: Хатыстыр, Тимптон, Курунг-Кунку, Сеемжи, Бугат, Нюрмаган, Анамджак и Бытаа.</p>	Компенсационные платежи в сумме должны составить 238 407 367,00 рублей в случае единовременной выплаты и 409 665 200,00 рублей в случае годовых выплат в течение 49 лет.	<ul style="list-style-type: none"> • Разработка трехстороннего Соглашения о социально-экономическом сотрудничестве и конкретных программ содействия устойчивому развитию; • ежегодные выплаты на 49 лет; • организовать Фонд для реализации программ содействия; • разработать Программу сотрудничества для смягчения негативных последствий; • разработать Программу инвестиционной политики.

Название проекта, заказчик экспертизы	Номер распоряжения	Эксперты	Исполнители ОВЭС	Район, поселения, организации КМНС	Размер компенсации	Рекомендации
<p>Строительство двух одноцепных ЛЭП кВ НПС-15 – НПС-16</p> <p>Филиал ОАО «ЦИУС ЕЭС»- ЦИУС Востока г.Хабаровск</p>	от 19 августа 2015 г. № 898-р	Шадрин В.И. Бурцева Е.И. Слепцов А.Н.	ООО НПК «Северпроект»	Алданский район - КРО КМНС «Сэргээлэх», родовая община «Амга» родовая община «Киен Юрэх» Олекминский район - ПСХК «Киндигирь»	<p>КРО КМНС «Амга» - 1 513 000 руб. (площадь – 54,8 га);</p> <p>КРО КМНС-Э «Сэргээлэх» - 2 939 000 руб. (площадь – 81,4 га);</p> <p>ПСХ КРО «Киндигирь» - 993 000 руб. (площадь – 4 793 000 га);</p> <p>РКО КМНС «Киенг-Юрэх» - 4 793 000 руб. (площадь – 227,0 га).</p>	<ul style="list-style-type: none"> Соглашение о социально-экономическом сотрудничестве (СЭС); заказчику - принять программу этноэкологического мониторинга.
Комплексные геолого-геофизические работы в области сочленения Лено-Тунгусской НГП и Лаптевской ПНГО	от 19 августа 2015 г. № 899-р	Шадрина В.И. Бурцева Е.И. Слепцов А.Н. Охлопков И.М.	ООО НПК «СеверПроект»	Анабарский и Булунский улусы. СХК КРО «Уоттаах-Хайа», ПК КРО Улахан-Кюель, РО КМНС - долганов	Компенсационные платежи должны составить сумму 5930102 руб., в т.ч.:	<ul style="list-style-type: none"> Заклучить трехстороннее соглашение о СЭС (развитие поселений КМНС; программы сохранения культуры с вовлечением в новые экономические

Название проекта, заказчик экспертизы	Номер распоряжения	Эксперты	Исполнители ОВЭС	Район, поселения, организации КМНС	Размер компенсации	Рекомендации
<p>ГНЦ ФГУГП «Южморгеология» при Академии технологических наук.</p>				<p>«Уэле», РКО КМНС - эвенков «Тэрпэй», МУОПП «Арктика», МУОПП им. Героя труда Ильи Спиридонова) и Булунского (МУП «Таймыльский», КФХ «Скрыбыкин И.Г.»).</p>	<p>МУП «Таймыльский» - 67772 руб. КФХ «Скрыбыкин И.Г.» - 197388 руб. СХК КРО «Уотгаах-Хайа» - 649662 руб. ПК КРО «Улахан Кюель» - 1181253 руб. РО КМНС – долганов «Уэле» - 553490 руб. РКО КМНС - эвенков «Тэрпэй» - 309086 руб. МУОПП «Арктика» - 1299950 руб. МУОПП имени Героя труда Ильи Спиридонова - 1671501 руб.</p>	<p>отношения; проф.обучение и индивидуальное трудоустройство; переработка и маркетинг продукции традиционного природопользования и промыслов; участие в этноэкологическом мониторинге);</p> <ul style="list-style-type: none"> • образовать этноэкологический совет при органах местного самоуправления на общественных началах из представителей заинтересованных лиц для реализации СЭС; • разработать программу смягчения негативных последствий (меры в ней: подписание договоров о компенсациях; договоры о временной занятости как

Название проекта, заказчик экспертизы	Номер распоряжения	Эксперты	Исполнители ОВЭС	Район, поселения, организации КМНС	Размер компенсации	Рекомендации
						<p>проводников и консультантов; разработка вариантов закупки продукции традиционного природопользования; совместная работа по установлению расположения памятников, захоронений и т.п. и разработка мер по их сохранению; как вариант - участие компании в trad.праздниках);</p> <ul style="list-style-type: none"> • принять программу этноэкологического мониторинга с привлечением местных научных организаций.
Строительство мостового перехода через р. Алдан	от 21 октября 2015 г. № 1168-р	Слепцов А.Н. Величенко В.В. Шарина С.И.	ООО НПК «СеверПроект»	Беллетский эвенкийский национальный наслег Алданского района.	За период строительства (5 лет) в случае единовременной выплаты 1 492 050 рублей;	<ul style="list-style-type: none"> • Соглашение о СЭС (проф. обучение и индивидуальное трудоустройство в организациях ОАО «Роснефть»;

Название проекта, заказчик экспертизы	Номер распоряжения	Эксперты	Исполнители ОВЭС	Район, поселения, организации КМНС	Размер компенсации	Рекомендации
на автомобильной дороге Алдан-Олёкминск-Ленск ГКУ «Управление автомобильных дорог РС(Я)»				ОАО КМНС «Хатыстыр»	за период эксплуатации - 1 128 018 рублей.	этнологический мониторинг).
Магистральный газопровод «Сила Сибири» ООО «Газпром трансгаз Томск»	от 25 ноября 2015 г. № 1383-р	Слепцов А.Н. Величенко В.В. Шарина С.И. Бурцева Е.И.	Якутск: ФГБУН ИГИиПМНС СО РАН; ООО НПК «СеверПроект»	Олекминский район: охотничья угодья «ИП Габышева А.А», ОАО ФАПК «Сахабулт» (уч. Туолбачан); Алданский район: РКО КМНС «Амин» и КРО КМНС «Киэн-Юрях», ООПТ ресурсного резервата «Улахан-Тала», ООПТ ресурсного резервата	На период строительства «Киен-Юрях» («Широкая речка») – 7 095 443 РКО КМНС «Амин» («Отец») – 4 580 827 РКО КМНС «Бугат» («Родина») – 9 192 982 МУП «Иенгра» - 10 275 332 МУП «Золотинка» - 10 275 332	<ul style="list-style-type: none"> Разработать программы с конкретными мероприятиями (финансирование образовательных программ по смене проф.ориентации; содействие проведению мероприятий этнокультурной направленности; стимулирование обучения для КМНС с последующим трудоустройством на объектах ООО «Газпром трансгаз Томск»).

Название проекта, заказчик экспертизы	Номер распоряжения	Эксперты	Исполнители ОВЭС	Район, поселения, организации КМНС	Размер компенсации	Рекомендации
				<p>«Улахан-Тала», ООПТ ресурсного резервата «Нимныр»; (села Хатыстыр и Угаян Беллетского сельского поселения (наслега), с. Кутана Анаминского сельского поселения (наслега)) Нерюнгринский район: РКО КМНС «Бугат», ООПТ ресурсного резервата «Хатыми», МУП «Иенгра» (с. Иенгра Иенгринского</p>	<p>ОАО КМНС «Хатыстыр» - 11 842 203.</p>	

Название проекта, заказчик экспертизы	Номер распоряжения	Эксперты	Исполнители ОВЭС	Район, поселения, организации КМНС	Размер компенсации	Рекомендации
				сельского поселения (наслега))		
<p>Падение отделяющихся частей ракет-носителей, запускаемых с космодрома «Восточный» в районах № 983, № 985</p> <p>ФГУП «Центр эксплуатации объектов наземной космической инфраструктуры»</p>	от 12 февраля 2016 г. № 111-р	Шадрин В.И. Погодаев М.А. Филиппов В.В. Охлопков И.М.	ООО НПК «СеверПроект»	Жиганский, Олекминский, Алданский, Вилюйский Верхневилуйский районы. ОАО «Хатыстыр» СПК (РКО) «Угут» СПК (КРО) «Бес-Юрях» ОКМНС «Хаппарастаах» ПК КРО «Олуу» СХПК «Жиганский» СХПК КРО «Эйим»	За период (1 год) эпизодического использования размер ущерба составил (предварительные исчисления): для участка № 983 – 155 079 рублей; для участка № 985 – 341 172 рубля. После проведения пусков расчет ущерба будет проводиться комиссионно, согласно Договору между Правительством Республики Саха (Якутия) и Федеральным космическим	<p>Роскосмосу:</p> <ul style="list-style-type: none"> • компенсировать убытки; • предусматривать финансовые средства на компенсацию убытков и мед.обследования населения; <p>Роскосмосу, Правительству Республики Саха (Якутия):</p> <ul style="list-style-type: none"> • обеспечить экологический мониторинг после запусков ракет; • предусмотреть действия и компенсации при авариях.

Название проекта, заказчик экспертизы	Номер распоряжения	Эксперты	Исполнители ОВЭС	Район, поселения, организации КМНС	Размер компенсации	Рекомендации
					агентством (Роскосмос).	
Технический проект отработки месторождения «Верхне-Мунское» АК «АЛРОСА» (ПАО)	от 05 сентября 2016 г. № 1022-р	Пахомов А.А. Бурцева Е.И. Шадрин В.И. Михайлова В.В.	ФГБУ ИГиПМНС СО РАН; ООО НПК "СеверПроект"	Оленекский эвенкийский национальный район. МУП «Жилиндинский» МУП «Оленекский».	За период строительства (3 года): в случае единовременной выплаты: 1 643 729 (один миллион шестьсот сорок три тысячи семьсот двадцать девять) рублей; За период эксплуатации (23 года): в случае единовременной выплаты: 22 341 401 (двадцать два миллиона триста сорок одна тысяча четыреста один) рубль.	<ul style="list-style-type: none"> • Соглашение между Алроса и муниципальным районом; • Программа содействия устойчивому развитию (проф.ориентация; альтернативные формы хоз.деятельности; сохранение трад.обычаев, нац.праздников; трудоустройство в объектах освоения месторождения); • этнологический мониторинг каждые 5 лет.

Название проекта, заказчик экспертизы	Номер распоряжения	Эксперты	Исполнители ОВЭС	Район, поселения, организации КМНС	Размер компенсации	Рекомендации
<p>Технический проект разработки россыпного месторождения алмазов на перспективной площади «р. Большая Куонамка и р. Талахта»</p> <p>АО «Нижне-Ленское»</p>	<p>от 24 октября 2016 г. № 1287-р</p>	<p>не указано</p>	<p>ООО «Межрегиональный центр экологического аудита и консалтинга»</p>	<p>Оленекский эвенкийский национальный район</p>	<p>Потенциальные убытки в год – 4 186 тыс. руб.</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Соглашение между Нижне-Ленским и муниципальным районом; • Программа содействия устойчивому развитию (финансирование проектов по модернизации традиционных видов деятельности и смене проф.ориентации; финансирование мероприятий этно-культурной направленности; обучение и последующее трудоустройство на объектах АО "Нижне-Ленское"; альтернативные формы хоз.деятельности; сохранение трад.обычаев, нац.праздников);

Название проекта, заказчик экспертизы	Номер распоряжения	Эксперты	Исполнители ОВЭС	Район, поселения, организации КМНС	Размер компенсации	Рекомендации
						<ul style="list-style-type: none"> этнологический мониторинг каждые 3 года.

